

ЧАРЛИ
ВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КАК ВЛЮБИТЬ ОФИЦЕРА

18+

Чарли Ви

Как влюбить офицера?

«Автор»

2026

Ви Ч.

Как влюбить офицера? / Ч. Ви — «Автор», 2026

Как влюбить офицера? Пункт первый: сломать ему нос. Желательно ночью в тёмном переулке, когда уверена, что он маньяк. Пункт второй: пригласить домой, чтобы обработать рану. Пункт третий: попытаться забыть и не вспоминать этот инцидент. Спойлер: не получится. У меня за спиной развод, недоверие к мужчинам и железные принципы. А у него — наглость, привычка командовать и он почему-то считает, что я ему теперь должна. Должна что? Впустить в свою жизнь? А не много ли вы хотите, товарищ офицер?

© Ви Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Визуал	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	42
Глава 14	45
Глава 15	49
Глава 16	52
Глава 17	54
Г	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Чарли Ви

Как влюбить офицера?

Глава 1

Я ненавижу март. Этот месяц, как предатель, притворяется весной, а сам норовит вцепиться в глотку последними холодами и метелями.

Вроде бы уже середина месяца, по календарю – весна, а за окном – лютая, снежная зима, которой плевать на все календари.

Мороз под двадцать, ветер срывает крыши, а снег валит так, будто декабрь решил взять реванш.

Я кутаюсь в пуховик, натягиваю капюшон до самых глаз и ускоряю шаг.

Сократить путь через стройку между гаражами – это нормально для всех местных.

Летом здесь на пустыре ромашки цветут, а сейчас – только завывающая метель, сугробы и темнота, только вдалеке одинокий фонарь болтается.

Я здесь хожу постоянно, как переехала в новостройку, три месяца назад. Дорогу знаю наизусть.

Сначала мимо бетонных плит, сваленных в кучу, потом через заснеженную пустошь, а там, за гаражами, уже и огни жилого квартала видны. Всего-то десять минут и ты дома.

Но сегодня как-то... не по себе.

Снег скрипит под ногами. Ветер воет особенно зловеще, задувает снег за шиворот, бросает ледяную крупу в лицо. Огни города отсюда кажутся далёкими и чужими, а звуки приглушёнными, словно мир накрыли ватным одеялом.

Я ускоряюсь ещё сильнее. Впереди, на фоне темноты, появляется расплывчатый силуэт мужчины. Идёт прямо на меня.

И тут сзади я слышу шаги. Отчётливый, ритмичный скрип снега.

Сердце замирает на секунду, а потом начинает колотиться с удвоенной скоростью. Ледяной ужас сжимает внутренности. Шаги сзади приближаются. И впереди мужик, который тоже надвигается.

Я зажимаю в кармане ключи, пропуская их между пальцев – единственное, что приходит в голову как оружие. Стараюсь идти ровно, не сбавляя шага, но ноги так и подкашиваются от страха.

Совсем некстати вспоминается история, которую рассказывала подруга. Это было лет десять назад, она тоже шла вечером, сокращала путь.

А когда обернулась, мужик уже занёс над ней нож. Она успела схватить его рукой прямо за лезвие. Только это и спасло.

А я не знаю, что делать? Бежать? Оборачиваться? Страшно. А ещё неудобно. Вдруг это я себе надумала, а люди просто идут.

Но я всё равно на всякий случай сжимаю ключи до боли в пальцах. Мужчина приближается. Вот он уже в паре метров. Я вжимаю голову в плечи, стараюсь стать меньше и незаметнее. Он проходит мимо – высокий парень в длинном пуховике, не обращая на меня никакого внимания.

Выдыхаю. Но радость длится недолго. Шаги сзади не стихают. Наоборот, они становятся ближе, громче. Он не сворачивает и идёт за мной. И не пытается обогнать. Вот это и напрягает.

Начинаю прикидывать все возможные варианты спасения.

По сугробам далеко не убежишь, догонит.

Кричать? Ветер такой, что собственного голоса неслышно.

Впереди – край пустоши и спасительный поворот за угол гаража. Там тропинка уходит в сторону, и если я успею забежать за этот угол, может быть, успею оторваться.

Я почти бегу, проваливаясь в снег, срывая дыхание. Заворачиваю за угол гаража и, повинаясь какому-то дикому, животному инстинкту, вжимаюсь в стену. Сердце грохочет так, что, кажется, его слышно за километр.

Света здесь почти нет, только тусклое пятно от далёкого фонаря. В глаза бросается огромный, спрессованный временем ком снега на сугробе у стены. Он ледяной, твёрдый, как камень.

Действую на автомате. Хватаю этот «снежок» двумя руками, чувствуя, как холод обжигает даже сквозь перчатки. И замираю, прислушиваясь.

Шаги. Скрип-скрип. Совсем рядом. Сейчас он завернёт за угол.

Вот из-за угла появляется тёмная, высокая фигура. Капюшон глубоко надвинут на лицо, из-под него ничего не разглядеть. Только широкие плечи и уверенная, тяжёлая поступь.

Я не раздумываю. Со всей силы, вложив в бросок всю свою злость, весь свой страх запускаю ледяной снаряд прямо ему в лицо.

Удар получается глухим. Фигура даже не вскрикивает – издаёт скорее удивлённый, сдавленный звук, запрокидывает голову и хватается за лицо. Я вижу, как в слабом свете брызнуло что-то тёмное. Кровь.

Капюшон падает с его головы, открывая симпатичное лицо. Сейчас же оно искажённо болью и злостью.

Мы смотрим друг на друга. Он – зажимая рукой разбитый нос, пытается остановить кровь и осознать, что только что произошло. Я – сжимая в руках остатки ледяного «оружия», с бешено колотящимся сердцем и ужасом пополам с облегчением: я жива, я дала отпор, но что теперь будет?

Пару секунд он просто смотрит на меня, будто не веря, что эта мелкая девчонка в огромном пуховике только что разнесла ему пол-лица. Потом убирает руку от носа, смотрит на кровь на ладони, снова переводит взгляд на меня.

– Ты... – голос у него низкий, хриплый, и в нём звенит такая ярость, что я инстинктивно делаю шаг назад, вжимаясь в стену гаража. – Ты совсем больная?! Какого хрена творишь?

Глава 2

(Артур)

Выхожу от Егора и Алёны и глубоко вдыхаю морозный воздух. В голове немного шумит – посидели хорошо, Град опять доставал со своими дурацкими шутками, но в целом вечер удался. Сестра счастлива, Егор смотрит на неё так, будто она все сокровища мира вместе взяты, и от этого на душе как-то спокойно.

За руль нельзя – сам знаю, хоть и немного выпил, но правил придерживаюсь. Решаю пройти пешком, заодно проветриться. Тут через стройку и пустошь – самый короткий путь до моего района. Все местные так ходят, ничего криминального. Да и кто на меня вообще полезет? Идиотом надо быть.

Надеваю капюшон поглубже, пряча лицо от ледяного ветра, и шагаю через сугробы. Снег валит знатный, март называется. Ну ничего, зато хоть воздух чистый, мысли проветриваются.

Иду, думаю о своём. О том, что Алёна теперь устроена, что Егор – для неё лучший вариант из всех возможных. О том, что родителям теперь можно не переживать. И о том, что мне самому, наверное, тоже пора бы уже остепениться. Тридцать два года, а всё один. А глядя на Града с Аней и Егора с Алёной особенно остро захотелось вот такого же домашнего уюта. Племянш вообще умиляет, маленький такой, но вылитый Алёнка.

Кровь у нас сильная. Отец частенько любил говорить, что у Афанасьевых доминантные гены – это светлые волосы и голубые глаза.

Задумался, иду себе, снег под ногами поскрипывает. Впереди какая-то фигура мельтешит, я и внимания не обращаю. Идёт и идёт. Дальше шагаю.

И тут замечаю, что впереди, метрах в двадцати, какая-то девчонка в огромном пуховике почти бежит. Ну бежит и бежит, мне-то что? Мало ли, спешит куда. Я даже не приглядывался – темно, снег валит, капюшон мешает. Просто иду себе дальше, той же дорогой.

Вижу, она за угол гаража свернула. Я туда же – мне как раз в ту сторону.

Только заворачиваю за угол – и тут в лицо прилетает что-то твёрдое, ледяное, просто адское по силе.

В глазах темнеет, в голове взрывается фейерверк, а по лицу растекается что-то тёплое и липкое. Я даже не сразу понимаю, что это кровь. Хватаюсь за нос, и рука становится мокрой. Боль просто дикая, глаза слезятся, дыхание перехватывает.

Первая мысль: что за хрень? Вторая: меня только что попытались убить?

Капюшон слетел, я стою, зажимая лицо, и сквозь пелену боли и ярости вижу её. Мелкую, в этом дурацком пуховике, сжимающую в руках остатки снежного кома. Смотрит на меня глазами по пять копеек и трясётся. Трясётся, хотя это у меня сейчас кровь хлещет!

– Ты... – выдавливаю из себя, и голос звучит так, будто я не тридцать два, а все девяносто. – Ты совсем больная?! Какого хрена творишь?

Она отшатывается, вжимается в стену гаража, будто я на неё с ножом бросаюсь. Это вообще кто из нас тут пострадавший?

– Это вы за мной шли! – выкрикивает она, и голос у неё дрожит. – Что вам от меня надо?!

– Что мне надо? – я убираю руку от носа, смотрю на кровь на ладони – там прямо ручей, блин. – Мне надо дойти до дома! Я тут, вообще-то, просто иду, понимаешь?!

– А сзади почему шли?! Я слышала!

– Потому что нам в одну сторону, принцесса! – рявкаю я.

Делаю шаг к ней – чисто рефлекторно, потому что хочется уже встряхнуть эту ненормальную, чтоб дошло, что она натворила. Она ещё сильнее вжимается в стену, и тут до меня

доходит. Она же мелкая совсем. Худенькая, под пуховиком не разглядеть, но видно – девчонка. И трясётся вся. Не от холода – от страха.

Останавливаюсь. Смотрю на неё сверху вниз. Нос горит огнём, кровь течёт, куртка уже вся в красных пятнах, и только сейчас начинаю осознавать всю абсурдность ситуации.

– Блядь, – ругаюсь я, и злость куда-то уходит. – Вот просто блядь.

Зажимаю нос пальцами, чтобы хоть как-то остановить кровь.

– Дай платок. Или салфетку. Что-нибудь.

Она начинает судорожно шарить по карманам. Протягивает мне скомканную бумажную салфетку – рука дрожит так, что она чуть не роняет её в снег.

– Спасибо, – бурчу я, прижимая салфетку к носу. Салфетка мгновенно пропитывается кровью. Отлично. Просто замечательно. – Нос, кажется, сломала. Ненормальная.

– Я думала, вы маньяк, – выдавливает она. – Там темно, я одна, а вы шли за мной...

– Я шёл за тобой, потому что мне в ту же сторону, – повторяю я ещё раз. Говорить с ней, когда из носа хлещет кровь и каждая секунда отдаётся болью в переносице, то ещё удовольствие. – Какого чёрта ты вообще здесь одна ходишь в такое время? Это стройка, тут всякое бывает.

– Я здесь каждый день хожу, – огрызается она, но без злобы. – До дома.

Молчу. Стою, прижимаю салфетку, пытаюсь понять, как я вообще в это вляпался. Вышел от друзей, решил прогуляться, и на тебе. Девчонка приложила.

– Сильно больно? – спрашивает она виновато.

– А ты как думаешь? – убираю салфетку, смотрю на неё – красная, хоть выжимай. – Спасибо тебе большое милая девочка. С маньяком меня спутала, это надо же.

– Может, скорую вызвать? – робко предлагает она.

Я усмехаюсь, хотя усмешка выходит больше похожей на болезненный оскал.

– Скорую? Из-за разбитого носа? – качаю головой. – Там люди с инфарктами еле дожидаются. Не смейся меня.

Она мнётся, переступает с ноги на ногу, и в свете фонаря видно, как она кусает губы. Чувство вины так и сочится из неё, смешиваясь с испугом и растерянностью. Мелкая, замёрзшая, напуганная. Даже жалко её становится.

– Ну... – начинает она неуверенно. – Я вот в новостройке живу, вот этой. Совсем рядом. – Она машет рукой куда-то в сторону огней. – Может, пройдем...те ко мне? Я обработаю вам нос. У меня есть перекись, вата, лёд. Хоть кровь остановим, пока вы не истекли.

Я смотрю на неё и чувствую, как внутри закипает какая-то странная смесь эмоций. С одной стороны, хочется послать её куда подальше и просто уйти. С другой – нос действительно болит зверски, кровь не останавливается, а идти куда-то в таком виде... И с третьей – бесит, что именно из-за неё я сейчас в таком положении, а она стоит тут, такая вся виноватая, и предлагает помощь.

Злость берёт верх.

– А пошли, – говорю я. – Раз приглашаешь.

Она заметно трясется от моей неожиданной готовности, но кивает.

– Да, конечно. Пойдёмте. Тут минут пять.

Я киваю, и мы молча трогаемся с места. Она идёт чуть впереди, показывая дорогу, а я плетусь сзади, зажимая нос этой жалкой салфеткой, и думаю о том, каким же идиотом надо быть, чтобы в тридцать два года вляпаться в такое.

– Ну что, Лиза? Будем знакомы?

Визуал

А вот и наши герои. Ну Артура вы уже наверно знаете.
Артур Афанасьев, 32 года, военный.

И Елизавета Меньшова, 30 лет, терапевт в поликлинике. Живёт с тремя котами. Год как в разводе.

Глава 3

(Лиза)

– А пошли.

И тут до меня доходит. Я только что пригласила к себе домой незнакомого мужика, которого десять минут назад приняла за маньяка. Лиза, ты дура. Полная дура.

Мы идём молча. Я впереди, он сзади. Снег скрипит под ногами, ветер завывает. В голове промелькивает сумасшедшая мысль рвануть вперёд и бросить его тут, но вторая моя половина тут же стыдит меня.

Лиза, так нельзя. Ты человеку нос разбила. И ты давал клятву Гиппократу «Не навреди». Так что придётся испускать свой косяк.

У подъезда я прикладываю ключ к домофону, пропускаю его вперёд.

В лифте мы стоим в гробовой тишине.

А пока стоим рассматриваю его украдкой. Высокий, широкие плечи, лицо мужественное, даже несмотря на разбитый нос. И взгляд такой... цепкий. Будто он всё вокруг сканирует. Глаза голубые. Блондин.

Ой, не люблю блондинов. Они все блядуны. Ну, может, не все, но такой точно блядун.

Выходим на девятом этаже. Я открываю дверь, отхожу в сторону, приглашая войти.

Он переступает порог и... замирает. Окидывает взглядом прихожую. Заглядывает за дверь, будто проверяет, нет ли там засады.

Я смотрю на это и не выдерживаю:

– Ничего себе. Не думала, что такой большой мужчина может бояться маленькой женщины.

Он поворачивается ко мне. Взгляд серьёзный, без тени улыбки.

– Я не боюсь. Я просто осторожный. Тем более после того, что ты сделала с моим носом, – он делает паузу и добавляет: – Вдруг у вас тут банда орудует. Сначала нападаете, втираетесь в доверие, а потом заманиваете красивых мужчин в квартиру.

Я криво улыбаюсь.

– Конечно, конечно. У нас тут целая банда.

Включаю свет в коридоре и показываю на пуфик, где развалилось чёрное пузо с зелёными глазищами.

– Знакомься, это Пират.

Кот щурится, лениво шевелит ухом и снова проваливается в дрёму.

Из комнаты, сладко потягиваясь, выходит сиамский красавец. Грациозный, как статуэтка, садится посреди коридора и начинает вылизывать лапу.

– А это Капитан. Но я его кратко зову Кэп.

Из кухни вылетает полосатый ураган. Маленький, облезлый, с разорванным ухом и наглыми глазами. Он подбегает к незнакомцу, обнюхивает его ботинки и начинает тереться о ногу.

– А это Оборвыш. Подобрала на улице месяц назад.

Блондин смотрит на это кошачье царство, потом на меня и на лице расплзается широкая улыбка.

Вот чёрт! Красивый какой.

– Ого, – говорит он с сарказмом. – Точно, целая банда. Женщина и три кота. Неудивительно, что ты напала на меня.

Я хмурюсь:

– Что ты имеешь в виду?

Он усмехается, и эта усмешка мне сразу не нравится.

– Ну, если я вижу одинокую женщину, а ты, судя по всему, одинокая, с тремя котами, то ничего удивительного нет в том, что ты любыми способами пытаешься заманить мужчину к себе домой.

У меня внутри всё закипает. Что он себе позволяет?! Я его, между прочим, спасать хотела, нос обработать, а он...

Но я не показываю вида, что меня это задело. Только сжимаю губы и спокойно отвечаю:

– Знаешь, а я теперь даже не жалею, что тебе нос разбила. Ты определённо это заслужил.

– То есть нос ты мне лечить не будешь? – он прикасается к переносице и тут же морщится.

– Ну если перестанешь грубить, то посмотрю.

– Да я и сам могу. Аптечку только дай, – говорит он и поворачивается к зеркалу лицом. Я киваю в сторону ванной.

– Сейчас принесу. Сиди тут и не пугай мою банду.

Он хмыкает, но послушно остаётся в прихожей. А я уйду в ванную и попытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце.

Через минуту выхожу из ванной с аптечкой в одной руке, заскакиваю на кухню за пакетом льда.

Он стоит на том же месте, даже не пошевелился. Пират уже спрыгнул с пуфика и теперь трётся о его ноги, предатель. Кэп задумчиво рассматривает гостя с середины коридора, а Обовыш уже запрыгнул на тумбочку и оттуда изучает ситуацию.

– А куртку то почему не снял? – спрашиваю я.

– Думаешь, надо? – шурится.

– Думаю, надо. Кровь оттереть можно, пока ещё не засохла.

Незнакомец расстёгивает молнию, снимает куртку и остаётся в чёрной футболке, которая обтягивает широкую, мощную грудь. Я как бы видела, что он не маленький. Но не думала, что ещё и накачанный.

– Проходи на кухню, – киваю я, отводя взгляд. – Там светлее.

Он идёт за мной, и я спиной чувствую его взгляд. Будто он не квартиру осматривает, а меня сканирует. Сажу его за стол, ставлю перед ним аптечку, лёд заворачиваю в тонкое полотенце.

– Держи. Сначала холод, потом будем смотреть.

Он прижимает лёд к носу и морщится. Сидит молча, а я стою напротив и пытаюсь сообразить, какого чёрта я вообще это делаю. Полчаса назад тряслась от страха на пустыре, а теперь стою на собственной кухне и рассматриваю мужика, которому разбила лицо. А его невозможно не рассматривать.

Руки красивые, мужественные, с венками. И ногти – просто загляденье. Не знаю, откуда у меня этот бзик на аккуратные ногти мужчин. Терпеть не могу, когда они напоминают обрубки или когда обкусанные или наоборот выпуклые и страшные.

– Больно? – спрашиваю, чтобы хоть что-то сказать.

– А ты как думаешь? – голос у него глухой из-за полотенца.

– Ладно, молчу.

Отворачиваюсь к плите, ставлю чайник. Надо же чем-то заняться, а то так и буду пялиться на него.

– Чай будешь?

– Ага.

– С сахаром?

– Без.

– С мятой, с чабрецом или просто чёрный?

Он убирает лёд от носа и смотрит на меня с усмешкой.

– А ещё какие есть?

– Со смородиной, с малиной, с клубникой, – начинаю перечислять все сорта чаёв, которые лежат у меня.

Что поделать, когда ты терапевт, то чай, кофе и шоколад пациенты дарят стабильно. Только о вкусах моих чаще всего не спрашивают.

– Ты что коллекционируешь их?

– Ага, – киваю и переключаюсь на его нос. – Давай сюда, – командую, и он послушно убирает лёд.

Подхожу ближе. Теперь я вижу его лицо ещё лучше. Довольно симпатичный мужчина. Очень симпатичный. Даже с разбитым носом и запёкшейся кровью. Глаза голубые, с такими смешинками в уголках, хотя сейчас он серьёзный. Губы... ладно, не надо про губы.

– Так, – я беру ватку, макаю в перекись. – Сейчас будет щипать.

– Да я уже привык за сегодня, – бурчит он.

Я начинаю осторожно промывать рану. Он сидит смирно, только желваки на скулах играют. Красивые у него скулы. И вообще лицо... Стоп, Лиза. Не о том думаешь.

– Повезло тебе, – говорю я, старательно отводя глаза от его губ. – Не сломала. Сильный ушиб, содрана кожа, но кость целая.

– Повезло, – эхом отзывается он.

Я быстро заканчиваю с перекисью, прикладываю новую холодную примочку.

– Подержи ещё минут десять. Потом мазь наложу, чтоб отёк спал.

Отхожу на безопасное расстояние. Чайник уже закипел, я завариваю чай на свой вкус с бергамотом, ставлю перед ним кружку.

– Спасибо, – говорит он, отпивая глоток. – Мм, вкусный.

– Не за что.

Я сажусь напротив. Молчим. Тишина какая-то... неловкая. Оборвыш возится под столом, набирается наглости и запрыгивает мне на колени.

А мой гость сидит напротив, сжимает пальцами кружку и смотрит на меня. В упор. Так, что хочется провалиться сквозь стул.

– Слушай, – говорит он вдруг. – А как тебя зовут? А то сидим, чай пьём, а я даже не знаю, кому обязан.

Я усмехаюсь.

– Лиза.

– Лиза, – повторяет он, будто пробует на вкус. – Красивое имя.

– А меня Артур.

– Артур, – киваю я. – Тоже ничего. Царское.

Он улыбается. Широко, открыто. И от этой улыбки у меня внутри что-то переворачивается. А я думала, после развода на мужчин лет десять смотреть не буду. А оказывается года хватило.

– Ну что, Лиза, – говорит он, отставляя кружку. – Будем знакомы?

– Будем, – отвечаю я и чувствую, как глупо, по-девчачьи, расплываюсь в ответной улыбке.

Глава 4

(Лиза)

Мы сидим на кухне друг напротив друга.

Он держит у носа полотенце со льдом, я сжимаю кружку с чаем и старательно не смотрю на него слишком долго. Потому что если смотреть долго, то начинаешь замечать всякое. Например, что у него длинные ресницы. И что плечи такие широкие, кажется, что он полкухни занимает, хотя кухня у меня в новой квартире не маленькая, если сравнивать со старой, где мы жили с мужем. Там у нас кухня квадратов пять была. Артур бы там вообще не поместился. А ещё я думаю, что даже с разбитым носом он всё равно выглядит до неприличия хорошо.

Ненавижу таких мужчин.

Красивых, самоуверенных и явно привыкших к вниманию женщин.

Оборвыш, предатель, уже окончательно определился со своей позицией и, запрыгнув на соседний стул, тянется к Артуру лапой, выпрашивая то ли ласки, то ли со стола чего-нибудь. Артур, не глядя, чешет его между ушами. Оборвыш тут же прикрывает глаза и начинает урчать так, будто в рай попал. Предатель, честное слово. А ведь это я его месяц назад из пакета в мусорке спасла. Орал, пищал, выбраться не мог. А у меня сердце не каменное. Не могу смотреть, как мучаются животные. Боль людей легче переношу, а вот животных – нет.

– Вот и всё, – мрачно говорю я. – Меня предали. Иуда.

Артур отнимает лёд от носа и смотрит сначала на кота, потом на меня.

– Потому что коты чувствуют хороших людей.

– Нет, – фыркаю я. – Потому что Оборвыш продажный. Его можно купить за еду, тепло и ласку.

– Ну не он один такой. За ласку многие готовы продаться.

Я поднимаю на него глаза, хмурюсь. Похоже, у нас назревает дискуссионный разговор на тему продажности.

– Не согласна, – качаю головой. – За лаской частенько скрываются нехорошие люди.

– Уже обожглась на ком-то?

Он спрашивает это вроде бы спокойно, с ленцой, но у меня внутри всё равно что-то дёргается, из-за флешбэков прошлого.

– Даже если это так первому встречному открывать свои секреты не собираюсь, – отвечаю я как можно резче, чтобы сразу обозначить личную границу.

Он улыбается. И я с ужасом понимаю, что мне нравится его улыбка. Очень. Такая не наглая, не слащавая, а настоящая. Будто он вообще редко улыбается, но если уж улыбается, то целиком от души.

Чтобы не залипнуть окончательно, я делаю глоток чая и перевожу тему:

– Ну и как твой нос, больной?

– Ты так ласково говоришь «больной», что у меня сразу появляется желание заболеть ещё чем-нибудь, – замечает он.

– Не провоцируй меня. Я могу устроить. Пургену, например, подсыпать или рвотного. Хочешь?

– Опасная женщина, – отвечает мой временный подопечный и послушно убирает полотенце.

Я подаюсь вперёд, беру его за подбородок, чуть поворачиваю к свету и замираю.

Острый скулы. Колочая щетина. И этот его взгляд – прямо на меня. Будто ему очень интересно, что я сейчас думаю.

А я думаю, что у него слишком красивые губы для мужчины. Хорошо очерченные, достаточно полные.

– Ну? – тихо спрашивает он.

– Жить будешь, – бормочу я. – Но характер, боюсь, уже не спасти.

Он хмыкает.

Я снова прикладываю лёд к переносице, отхожу к чайнику, хотя он давно уже выключен, просто чтобы увеличить дистанцию. На кухне тепло, окно запотело, за ним по-прежнему мечется мартовская метель. И как будто даже набирает обороты.

Здесь тихо, только ложка звенит о кружку, кот где-то в коридоре шуршит пакетом, а у меня внутри такое странное чувство, будто вечер сорвался с привычных рельсов и понёсся куда-то не туда. И вроде страшно, а вроде... не хочется, чтобы это заканчивалось.

– Ты давно тут живёшь? – спрашивает Артур.

– Три месяца.

– Нравится?

Я пожимаю плечами.

– Квартира нравится. Район не очень. Но выбора не было.

Он ловит это моё «выбора не было» сразу. Чувствую, но, к счастью, не лезет в душу.

– А коты все твои давние?

– Только двое. Оборвыш – новенький. Подобрала месяц назад возле магазина. Он был худой, грязный и смотрел так, будто уже всё про людей понял.

– И что понял?

– Что люди в основном так себе, – отвечаю я. – Но иногда попадаются порядочные.

Артур выгибает бровь, собирается что-то сказать, но в этот момент раздаётся длинный звонок в дверь.

Я вздрагиваю так сильно, что чуть не роняю кружку.

Артур мгновенно это замечает.

– Кого-то ждёшь?

– Нет.

Сама слышу, как изменился мой голос. Секунду назад был нормальный, а теперь натянутый, как струна.

Звонок повторяется.

Потом ещё раз.

Пират лениво приподнимает голову на пуфике в коридоре, Кэп настораживается, а я уже знаю, кто это. Даже не так – чувствую. Всем телом чувствую. Так чувствуют мигрень до первой боли, летнюю грозу до её начала и беду.

Сердце неприятно сжимается.

– Лиза! – доносится из-за двери знакомый мужской голос. – Я знаю, что ты дома!

Я закрываю глаза.

Ну конечно, как же иначе. Идеальный вечер не мог просто остаться идеальным вечером. Вселенная решила, что мне мало одного больного мужчины с разбитым носом, и прислала второго. Только больного на голову, видимо, для комплекта.

Артур медленно ставит кружку на стол.

– Бывший? – спрашивает спокойно.

Я открываю глаза и тяжело вздыхаю.

– Да.

Глава 5

Я медленно ставлю кружку на стол. Смотрю на Лизу. Она побелела так, что веснушки стали видны, маленькие такие, как крапинки на перепелиных яйцах. А сама в кружку вцепилась. И сразу догадываюсь, кто это. У меня на это чуйка.

– Бывший? – переспрашиваю.

Она кивает. Глаза испуганные, но в них уже загорается упрямство, будто она готовится к бою. И от этого у меня внутри всё закипает ещё сильнее.

Я встаю.

– Сиди здесь, – говорю коротко.

Она открывает рот, чтобы возразить, но я уже иду в прихожую. Иду и чувствую, как внутри закипает ярость, которая у меня всегда включалась перед серьёзными разговорами или перед дракой.

Звонок повторяется. Третий раз. Наглый, требовательный, будто он имеет право так тревожить.

– Лиза! Открывай, я знаю, что ты не спишь! – голос за дверью противный, с нотками собственника, от которых у меня сразу чешутся кулаки.

Я распахиваю дверь.

На пороге стоит мужик. Лет тридцать пять, чуть ниже меня, в дорогой куртке, с модной стрижкой и такой физиономией, по которой сразу хочется съездить. Щеголеватый. Ухоженный. Пахнет дорогим парфюмом. И взгляд скользкий, как у хорька. Я таких за версту чую. В армии насмотрелся на «красивых» мужиков, которые в бою первыми в кусты прячутся, а перед начальством выслуживаются.

Он смотрит на меня и подвисает. Глаза округляются, рот приоткрывается. Видимо, не того ожидал увидеть. Рассчитывал на испуганную женщину, а наткнулся на меня.

Я опираюсь рукой о косяк, чуть наклоняюсь вперёд, чтобы сразу обозначить разницу в габаритах. Плечом полностью перекрываю проём. И смотрю на него сверху вниз. Без улыбки. Без эмоций. Таким взглядом, каким смотрят на таракана перед тем, как раздавить.

– Тебе чего? – спрашиваю коротко. Без «здравствуйте», без намёка на вежливость.

Он моргает. Переводит взгляд с моего лица за мою спину, в квартиру. Пытается заглянуть.

– А ты ещё кто? – голос у него срывается на фальцет, хотя он явно пытается держаться уверенно. Но у него плохо получается.

В этот момент я чувствую, как чьи-то пальцы вцепляются мне в рукав. Лиза. Она выскользнула из кухни и теперь пытается подлезть под руку, выглянуть наружу. Я слышу её прерывистое дыхание за спиной, чувствую, как она тянет меня назад. Наверное, хочет остановить, чтобы я не лез, чтобы самому не вляпаться в историю. Или чтобы защитить меня от него? Глупая и смешная.

Я даже не оборачиваюсь. Просто делаю полшага в сторону и чуть смещаю корпус, полностью перекрывая дверной проём. Теперь она за моей спиной, как за стеной. Видит только мою спину и плечи. И никуда не может просочиться, как ни пытается.

Её пальцы ещё какое-то время царапают мою руку, дёргают рукав, но потом замирают. Сдалась. Поняла, что не пушу. Что я не из тех, кого можно сдвинуть, когда я принял решение.

– Я спросил: тебе чего? – повторяю я, глядя на этого щеголька. Медленно, с расстановкой, чтобы до него дошло.

Он сглатывает. Кадык дёргается.

– Мне Лизу нужно, – говорит он, но уверенности в голосе уже поубавилось. – Это её квартира.

– Она занята.

– Чем это?

Коротко усмехаюсь.

– Мной.

Он краснеет. Щёки заливаются неровными пятнами, глаза начинают бегать по сторонам, ищут путь к отступлению. Вроде мужик с виду, а внутри – тряпка. Такие только против женщин смелые, когда уверены в своей безнаказанности. А когда натываются на кого-то покрупнее, с кем фокусы не пройдут – сразу сдуваются, как воздушные шарiki.

– Послушай, мужик, – начинает он, пытаюсь изобразить угрозу. Но голос дрожит, и это жалкое зрелище. – Это моя жена. Я имею право...

– Бывшая, – перебиваю я. Жёстко, не оставляя пространства для спора. – Бывшая жена. А теперь мы вместе. И ты здесь на хрен не нужен.

Я делаю паузу, смотрю на него в упор. Он молчит, переваривает. Пытается что-то сказать, только рот открывает и закрывает, как рыба.

Я делаю полшага вперёд. Он отступает на шаг назад.

За спиной я слышу тихое: «Артур, не надо...» – голос Лизы дрожит. Но я даже не оборачиваюсь.

– Вали отсюда, – говорю спокойно, глядя ему в глаза. – И запомни, что я сейчас скажу.

Он замирает. Смотрит на меня, как кролик на удава.

– Если я ещё раз увижу тебя здесь, – продолжаю я медленно, – или узнаю, что ты ей звонишь, или просто рядом с этим домом пройдёшь – я тебя найду. И разговор будет другой. Совсем другой. Понял?

Он смотрит на меня. В глазах страх. От его трусости тошнит. Он хочет что-то сказать, наверное, чтобы сохранить лицо, но не решается.

– Понял? – повторяю я. Уже жёстче, с металлом в голосе.

– Понял, – выдавливает он еле слышно.

– Свободен.

Он разворачивается и идёт к лифту. Сначала медленно, потом быстрее. Почти бежит. Двери лифта открываются, он влетает внутрь и исчезает. Я слышу, как лифт уезжает вниз.

Стою ещё несколько секунд, смотрю на закрывшиеся двери. Злость уходит, оставляя после себя только удовлетворение. Сделано.

Только тогда оборачиваюсь.

Лиза стоит у меня за спиной, прижавшись лопатками к стене коридора. Глаза огромные, в них и страх, и благодарность.

Она смотрит на меня снизу вверх, и я отмечаю в который раз, какая она на самом деле маленькая.

– Всё, – говорю я. – Ушёл. Больше не появится.

Она выдыхает. Так шумно, будто всё это время не дышала. Будто держала воздух в лёгких с того самого момента, как раздался первый звонок.

– Спасибо, – шепчет. – Только ты же не сможешь здесь всё время быть. Ты уйдёшь, а он вернётся.

Я захожу обратно в квартиру. Закрываю дверь. И снова разворачиваюсь к ней.

– Ну если хочешь, могу остаться, – предлагаю ей.

– В смысле? Как остаться? – у неё даже лицо вытягивается.

– В прямом.

– На ночь или на всё время?

– Могу на ночь, а могу и навсегда...если попросишь.

Глава 6

Я смотрю на него и чувствую, как на несколько секунд теряю связь с реальностью. Мне итак сегодняшний вечер напоминает сценку из современного театра, а теперь ещё и этот вопрос.

Нет, серьёзно. Вот просто стоит этот человек, которого я знаю от силы час, с разбитым мной же носом, и говорит такие вещи, от которых у меня мозг вылетает в стратосферу и пока не возвращается обратно.

«Могу на ночь, а могу и навсегда... если попросишь».

Я открываю рот. Закрываю. Снова открываю.

Из горла вырывается то ли смешок, то ли всхлип. Я даже сама не понимаю, что это было.

Он шутит. Точно шутит. Сейчас засмеётся и скажет: «Расслабься, я пошутил».

Но он не смеётся.

Просто стоит и ждёт. Огромный, в этой своей чёрной футболке, с залипательно красивыми руками и спокойным взглядом. Ждёт, что я отвечу.

А я не знаю, что сказать.

Потому что в голове сейчас такой хоровод мыслей, что хоть садись и записывай, а потом разбирай по полочкам. Это я сделаю, потом попозже. Разберу каждую, но ответ-то нужен сейчас.

– Ты... – выдавливаю, наконец. – Ты серьёзно?

Он пожимает плечами. Как будто речь идёт о том, не выпить ли ещё чашку чая.

– А почему нет? Диван у тебя есть. Я не привередливый. А ты под охраной будешь.

Диван. Диван-то, конечно, есть, только он один, а запасного места для ночёвки гостей я как-то не предусмотрела. Не ночует у меня никто.

Я делаю шаг назад и натыкаюсь спиной на вешалку. Вешалка качается, с неё падает шапка, кажется, моя. Я даже не наклоняюсь поднять. Просто стою и смотрю на этого сумасшедшего блондина, который только что предложил мне...а вот что он мне предложил? Не скрывается ли под словом охрана и ещё один смысл?

Он ведь бывшему так и сказал: «Теперь мы вместе». И если я скажу: «оставайся» это будет согласием и на совместную ночь?

Или это я такая распушенная, что обычную помощь мужчины воспринимаю как предложение о сексе?

А как такой не быть, если перед тобой детина под два метра ростом, красивый, мужественный, а у меня мужчины уже полтора года не было.

Артур всё ещё стоит, ждёт. Терпеливо так. Будто у него вечность в запасе.

– Лиза? – зовёт он тихо. – Ты как?

– Я в порядке, – выдавливаю я. – Просто... ты меня огорошил. Нельзя так резко самостоятельной женщине помощь предлагать.

– Извини, – говорит он. – Мне следовало мягче. Просто я привык решать вопросы быстро. Лишняя рефлексия – враг солдата.

– Я не солдат, – отвечаю я. – Для меня рефлексия, как воздух.

Он улыбается. И от этой улыбки у меня опять всё плывёт.

– Мне кажется, твоя рефлексия тебе мешает. Решения надо принимать быстро, так правильнее, – говорит Артур и делает шаг ко мне. И я сейчас очень хорошо понимаю своего бывшего. Потому что мне тоже хочется сбежать. Останавливает только то, что это моя квартира.

– Если хочешь, можешь поделиться своими мыслями, а я тебе помогу. Уверен, вдвоём решим быстрее.

– Меня просто удивляет такое стремительное развитие событий. Это что за новая скорая помощь по вызову «муж на час», только с пожизненной гарантией? – всё-таки выдавливаю из себя хоть что-то связанное.

– Слушай, ну у нас и жизнь стала заметно быстрее.

– Но узнать-то друг о друге хоть что-то надо. Поэтому люди сначала общаются, а потом уже ночевать остаются.

– У нас экстренный случай. Разве нет? Да и я о тебе уже всё почти знаю. Работаешь терапевтом, разведена, любишь кошек, и бывший у тебя трус и козёл. Всё учёл?

– Почти. А я вот о тебе ничего не знаю, – постепенно ко мне возвращается самообладание.

– Я военный. Не женат. Детей нет. Вроде всё.

Хочется матюкнуться, но я же девочка воспитанная. Нельзя. Поэтому продолжаю охреневать молча.

– То есть ты считаешь, для того, чтобы я оставила незнакомого мужчину...

– Уже знакомого, – поправляет меня.

– Знакомого как час мужчину у себя с ночевой, вот этой вот информации достаточно? – поднимаю брови, искренне выражая своё и удивление, и возмущение.

А его как будто вообще ничем смутить нельзя. На всё ответ тут же находится.

– Я же говорю, смотря для чего. Кто-то ещё и размер члена спрашивает и размер зарплаты.

Давлюсь слюной, то ли воздухом. Значит, всё-таки в его предложении намёк на секс был. Ну слава богу, Лиза, ты не совсем испорченная. Хоть один плюс.

– И часто ты так у незнакомок ночевать остаёшься, стесняюсь спросить?

– Нет. Не часто. Первый раз решил, ты мне понравилась.

Стоит улыбается. Он кажется, удовольствие получает от того, как меня в краску вгоняет.

А самое страшное, что у меня больше причин сказать ему да, чем нет.

И тут же сама себя одёргиваю. Лиза, ты что, с дуба рухнула? Какое «да»? Ты его не знаешь! Он может быть кем угодно! Маньяком, аферистом, альфонсом, да кем угодно!

Ну нет. Маньяки котов не гладят. И бывших не прогоняют. И не смотрят так, будто ты действительно ему интересна. У маньяков взгляд другой. Видела парочку. Артур совсем на маньяка не похож.

– Артур, – говорю я. – Я скажу, так как есть. Ты для меня чужой человек. Я тебя не знаю.

– Я понимаю, – кивает он. – Тогда давай по-другому. Я останусь сегодня. Просто чтобы он не вернулся. А завтра утром уйду. И если ты захочешь меня ещё раз увидеть – позвонишь. Или не позвонишь. Твой выбор.

– И всё? – уточняю я. – Просто переночуешь на диване и уйдёшь?

– А ты хочешь чего-то большего? – в его глазах мелькает смешинка.

– Я... нет... то есть... – я окончательно путаюсь. – В общем, нет. Спасибо, что спровадил бывшего, но охрана мне не нужна. Так что можешь идти домой.

– Уверена?

– Полностью.

– Ну хорошо.

Он протягивает руку ко мне. И у меня внутри всё замирает. Неужели решил напролом действовать? А самое поганое я даже рада такой напористости, потому что сама себе хрен когда разрешу ответить да.

Но он протягивает руку за мою спину и снимет свою куртку с вешалки. А я испытываю самое настоящее разочарование.

– Ну тогда пока, – он накидывает куртку, застёгивается. – Спасибо за чай и гостеприимство.

– Угу, – киваю я сдуваясь. – И тебе за компанию спасибо.

Он открывает дверь и выходит. Даже не оглядывается. Дверь захлопывается, а я почему-то чувствую одиночество. Квартира будто пустой стала. Странно это. Человека даже двух часов не знаю. Это, видимо, уже клинкой пахнет. Готова привязаться к любому мужику даже с улицы.

Встряхиваю головой.

Всё хорошо, Лиза. Наконец, можно раздеться и походить хоть в нижнем белье, хоть совсем голой. Одиночество – это классно.

– Да ведь, Пират?

Чёрный клубок поднимает голову, мяукает в ответ.

– Ну вот и отлично. Нам и без всяких незнакомцев отлично живётся.

Бодрюсь, разворачиваюсь к кухне. Там надо порядок навести после гостя с разбитым носом. Но не успеваю сделать и пары шагов, как в дверь раздаётся стук.

– Лиза, пусти. Я, кажется, ключи потерял. Не оставишь же ты человека на улице на всю ночь.

Глава 7

– Лиза,пусти. Я, кажется, ключи потерял. Не оставишь же ты человека на улице на всю ночь.

Я замираю. Всей кожей чувствую, как кровь приливает к лицу. Это Артур вернулся.

Подхожу к двери медленно. Приникаю к глазку.

На лестничной клетке стоит Артур. В куртке, в шапке, залепленный снегом с ног до головы. На плечах – белые хлопья, на шапке – целый сугробчик. И смотрит прямо в дверь, будто знает, что я там стою и пялюсь на него, как ненормальная.

Открываю.

Холодный воздух врывается в прихожую, но я его почти не чувствую. Потому что всё внимание приковано к нему. К этому огромному мужчине, который стоит на пороге и улыбается так, будто мы не прощались пять минут назад.

– Ты чего? – спрашиваю нарочно хмуро. Чтобы не показывать, как бешено колотится сердце.

– Ключи потерял, – он пожимает плечами, и с куртки сыплется снег. – Похоже, выронил, когда у гаражей стояли с тобой. Теперь домой не попасть.

Я смотрю на него. На этого снеговика с голубыми глазами. И мозг лихорадочно перебирает варианты.

Вариант первый: поверить и пойти искать ключи в сугробы. Вариант второй: не поверить, но всё равно впустить. Вариант третий: послать подальше и закрыть дверь.

Почему-то третий вариант даже не хочется рассматривать.

Скрещиваю руки на груди.

– Как-то странно, – говорю я. – Не вовремя ты ключи потерял. Очень не вовремя.

– Ты что, мне не веришь? – в его глазах мелькает смешинка.

– А чем поклянёшься?

– Чем? – он задумывается на секунду. – Для тебя слово военного ничего не значит?

– Ну, я про то, что ты военный, только с твоих слов знаю.

Он широко усмехается. И от этой усмешки у меня внутри сердце тает. Прямо физически чувствую, как уходят остатки здравого смысла.

– Мадам, у меня для вас новость, – говорит он. – Вы, кажется, не там работаете. Вам бы в разведку идти. Там такие люди нужны.

Я изо всех сил пытаюсь сдержать улыбку. Получается плохо. Губы предательски дёргаются.

Он опирается плечом о косяк, и снова снег сыплётся на пол. Теперь ещё и лужа натечёт, надо будет вытирать.

– Нупусти ты уже, – говорит он. Голос у него становится мягче, почти просительным. – Обещаю вести себя хорошо. Даже разрешу себя связать. – Пауза. – Но только руки.

Я смотрю на него. На эту наглую физиономию, на снег в волосах, на разбитый нос, из-за которого всё и закрутилось. И понимаю, что решение уже принято. Где-то там, глубоко внутри, без участия мозга.

– Ну, если только связать, – говорю медленно. – Ладно. Заходи. Только спать у меня негде.

Я распахиваю дверь шире. Он снимает шапку за порогом, отряхивается и только после этого заходит. В прихожей сразу становится тесно. Снимает куртку, вешает на крючок.

Я стою рядом и чувствую себя ребёнком, которому вернули любимую игрушку. И ничего не могу с собой поделать. Радуюсь. Как дура.

– Там такая метель, – говорит он, отряхивая шапку. – Просто пиздец.

- Культурно выражаемся, – замечаю я машинально.
- Извини. На работе привык.
- На работе, говоришь?
- Ага.

Он уже подходит к пуфику и по-хозяйски треплет Пирата за голову. Тот, предатель, довольно жмурится, потягивается и даже подставляет пузо. Спит, зараза, а тут проснулся.

Оборвыш, конечно, уже тут как тут. Вертится под ногами, трётся о штаны, орёт так, будто его не кормили неделю. Артур наклоняется, подхватывает его одной рукой и... сажает себе на плечо. Оборвыш замирает на секунду, а потом начинает урчать так, что, кажется, стены вибрируют. Сидит на плече, как заправский попугай, только хвост полосатый свисает.

- А есть что поесть? – спрашивает он, поворачиваясь ко мне. – Я что-то проголодался.
 - Ну вообще-то я ничего не готовила, – говорю я. – Гостей не ждала.
 - Можно заказать доставку.
 - Так ведь метель же. Кто тебе повезёт?
 - Ну тогда придётся готовить, – он улыбается. – Иначе я тебя ночью съем.
- Я поднимаю бровь.
- Не заставляй меня жалеть о том, что я тебяпустила.
 - Да ладно, – он смеётся. – Я же шутя.

Идёт в ванную, я слышу шум воды, моет руки. Потом выходит и направляется на кухню. Я плетусь за ним. Сажусь за стол, беру яблоко из вазочки. Надо же чем-то занять руки для прикрытия.

Он открывает холодильник, заглядывает внутрь. Достает яйца, помидоры, перец, лук, зелень, сыр. Двигается уверенно, по-хозяйски. Руки у него красивые – я уже это заметила, но сейчас, когда он раскладывает продукты на столе, не могу оторваться. Сильные, с венками, пальцы длинные. И двигаются так ловко, будто он всю жизнь на кухне провёл, а не в армии.

Оборачивается ко мне.

- А ты что, помогать мне не собираешься?
- Неа, – откусываю яблоко. – Я есть не хочу.
- Хозяйка из тебя неважнецкая, – усмехается он.
- А я и не говорила, что примерная и добродушная хозяйка. Не люблю готовить.
- Удивительная женщина, – качает головой.
- Почему это?

Вместо ответа он протягивает мне луковицу.

– На, почисти.

Я смотрю на лук, потом на него. Он стоит, уперев руки в бока.

– Ну в основном, – говорит он, – женщина, если хочет мужчине понравиться, в первую очередь показывает, как она умеет готовить. Говорят же: путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

– А я не хочу тебе нравиться, – отрезаю я. И даже яблоко откладываю, чтобы фраза звучала веселее.

- Вот я и говорю – удивительная, – он улыбается. – Потому что в основном все хотят.
- Все – это не я.

Он всё ещё держит эту луковицу. Протягивает настойчивее.

– Ну почисти. Руки не отвалятся.

Вздыхаю. Встаю, подхожу к столу. Беру нож, смотрю на луковицу, потом на него.

– А ты, что завидный жених, раз на тебя женщины пытаются произвести впечатление, – говорю, начиная чистить.

Он поднимает бровь.

– А ты считаешь, что нет?

Я демонстративно медленно окидываю его взглядом. С головы до ног. Плечи, руки, грудь под футболкой, длинные ноги. Всё при нём. Даже слишком.

– А ну-ка покрутись, – командую я.

Он усмехается, но поворачивается. Медленно так, с чувством, с расстановкой. Даже руки в стороны разводит, как модель на подиуме. Я смотрю на эту широкую спину, на то, как футболка обтягивает поясницу, и понимаю, что откровенно пялюсь на его ягодицы. Но виду не подаю.

– Ну вроде ничего так, – говорю, когда он снова поворачивается ко мне лицом. – Но готовить ради этого я точно не стану. И вообще, говорят, мужчины, которые следят за своей фигурой, слишком много времени проводят в зале. Да и кушают немерено. Я такого не прокормлю.

– Ну я на еду себе сам зарабатываю, – он забирает у меня очищенную луковицу, ловко нарезает её кубиками. – Ты меня с котами своими не путай. Они у тебя иждивенцы, а я человек самостоятельный.

– Самостоятельный, который ключи потерял, – бурчу я, но уже беззлобно.

– Ключи – это форс-мажор, – парирует он, высыпая лук на сковороду. Масло шипит, запах разносится по кухне такой домашний, уютный. – Бывает.

Я возвращаюсь на своё место, беру обратно яблоко, но его уже не хочется.

– А мы что сейчас, серьёзно тебе смотрины устраиваем? – спрашиваю, глядя на него с прищуром. – Ты решил отдаться в мои, вот в эти жестокие руки?

– Отдаться в твои руки? – переспрашивает он медленно, смакуя каждое слово. – А ты хочешь, чтобы я отдался?

Я понимаю, что сморозила глупость. Ну какую глупость? Идиотизм чистой воды. Сейчас он подумает, что я к нему клеюсь. Или что я вообще... Ну почему у меня язык опережает мозг?

– Я имела в виду... – начинаю я, но он меня перебивает.

– Я понял, что ты имела в виду, – он улыбается, и от этой улыбки у меня опять всё плывёт. – Но ответь на вопрос. Ты хочешь?

Глава 8

Воздух вдруг застревает у меня в горле. Я судорожно сглатываю, чувствуя, как щёки вспыхивают маковым цветом. Кажется, сейчас от моего лица можно прикуривать.

Мысли мечутся в панике. Я пытаюсь вздёргнуть подбородок и посмотреть на него с холодным, неприступным достоинством – ну, знаете, как моя любимая актриса Вивьен Ли. Вот чтобы один взгляд, надменный взмах ресниц, и этот самоуверенный наглец сразу понял, где его место. Но вместо образа роковой женщины я сейчас, наверное, больше похожа на выброшенную на берег рыбу.

– Я хочу... – выдавливаю я, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я хочу, чтобы ты следил за луком. Он у тебя сейчас сгорит.

Артур смеётся. Низким, бархатным смехом, от которого по спине бегут предательские мурашки. Он даже не думает смущаться, просто отворачивается обратно к плите.

– Лук под контролем, Лиза, – бросает он через плечо, ловко разбивая яйца в сковороду. – Как и всё остальное.

Я шумно выдыхаю и откидываюсь на спинку стула. Господи, ну почему рядом с ним я чувствую себя пубертатной школьницей? Мне не пятнадцать лет. Я взрослый человек, врач, ежедневно принимаю десятки пациентов. Меня сложно выбить из колеи. Но этому блондину с разбитым носом понадобилось чуть больше часа, чтобы превратить мою нервную систему в желе.

На кухне начинает одуряюще пахнуть жареным луком, зеленью и яйцами. Желудок, который до этого притворялся сытым, предательски урчит.

Артур выключает плиту. Берёт две тарелки – сам нашёл в сушилке над раковиной, хозяйственный какой! – и раскладывает ужин. Ставит одну порцию передо мной, вторую берёт себе, садится напротив и придвигает ко мне вилку.

– Я же сказала, что не хочу есть, – для проформы сопротивляюсь я, хотя слюнки уже текут.

– Ешь давай. Тебе силы нужны, – невозмутимо отвечает он, отрезая кусок омлета.

– Для чего это?

– Чтобы со мной спорить. Ты же без этого, смотрю, жить не можешь.

Я фыркаю, но вилку всё-таки беру. Пробую.

Блин, вкусно. Вот просто очень вкусно.

Ничего особенного, обычная яичница с овощами. Оборвыш под столом тоже оценил запахи и теперь трётся о ногу Артура с удвоенной силой, периодически издавая вопросительное «Мяу?». И Артур подкидывает ему кусочек омлета.

Мы едим в тишине. За окном всё так же беснуется мартовская метель, ветер швыряет пригоршни снега в стекло, а здесь, на кухне, тепло, пахнет чаем и едой. И этот контраст создаёт какую-то нереальную, интимную атмосферу. Будто во всём мире остались только эта кухня, коты и мы вдвоём.

– Так что за история с бывшим? – вдруг нарушает тишину Артур. Спрашивает спокойно, без издёвки, просто интересуется.

Я замираю с вилок на полпути ко рту. Внутри всё мгновенно сжимается. Меньше всего мне хочется сейчас ворошить прошлое и портить этот неожиданно уютный вечер.

– Нет никакой истории, – отвечаю я, ровно и сухо. Откладываю вилку. – Бывший – он на то и бывший, чтобы оставаться в прошлом.

Артур перестаёт жевать. Внимательно смотрит на меня.

– Но в настоящем-то он появляется. И судя по тому, как ты побледнела у двери, нервы он тебе треплет регулярно.

Я вскидываю на него взгляд. Включаю своего внутреннего ежа на полную мощность.

– Артур. Давай договоримся, – говорю резко. – Ты помог мне, спровадил его, и я тебе за это искренне благодарна. Правда. Но это не значит, что я сейчас начну изливать душу и рассказывать подробности своей личной жизни мужчине, которого знаю пару часов. В меню на сегодня только яичница, никаких душевных стриптизов. Тема закрыта.

Повисает напряжённая пауза. Я жду, что он обидится, или начнёт давить, как делали некоторые. Но Артур только медленно кивает. Его спокойствие пробить, кажется, вообще невозможно.

– Принято, – ровным тоном отвечает он. Ни капли раздражения. – Без допросов. Но если этот хмырь снова появится и начнёт ломиться в дверь, просто знай, что ты можешь мне набрать. Я умею объяснять доходчиво.

Когда тарелки пустеют, я встаю, чтобы убрать их в раковину. Артур тоже поднимается, перехватывает мою тарелку и ставит вместе со своей.

– Я сам помою.

– Ещё чего, – возмущаюсь я, отвоёвывая губку для мытья посуды. – Ты гость. К тому же пострадавший от моих рук.

Наши руки сталкиваются над раковиной. Его пальцы ложатся поверх моих. Жёсткие, с мозолями.

Время словно замедляется. Я поднимаю голову. Он стоит совсем близко. Такой большой, сильный, пахнет мужским парфюмом. Он смотрит мне прямо в глаза, и я почти перестаю дышать. Воздух между нами искрит.

– Лиза, – низко произносит он.

– М? – только и могу выдавить я, гипнотизируя взглядом его губы.

– Если ты не перестанешь так на них смотреть, я решу, что ослета тебе всё-таки не хватило и ты присматриваешь десерт.

Я часто моргаю, сбрасывая оцепенение.

Боже, как стыдно.

Поспешно отдёргиваю руки от раковины и делаю глубокий шаг назад.

– Я... я пойду постелю тебе, – выдаю я торопливо. – Постель сама себя не расстелет.

Сбегаю из кухни, как с поля боя. Достаю из шкафа свежий комплект, две подушки, пушистый плед. Захожу в гостиную, окидываю взглядом свой любимый, уютный светлый диван.

Ну уж нет. Пускать спать рядом с собой малознакомого мужчину, пусть и спасшего меня от бывшего, – это уже слишком. Не могу я. Хотя он и несомненно красивый, и сильный, и вообще...но не могу. Наверно я слишком старомодна.

Поэтому стелю на полу толстое одеяло, складываю его пополам, сверху стелю простынь, мысленно ругая себя за то, что у меня до сих пор горят щёки.

Десерт, значит?! Вот же самоуверенный...

Когда я заканчиваю и поворачиваюсь, в комнату заходит Артур уже по пояс голый.

Мамочки.

Я сглатываю.

Одно дело интуитивно догадываться, что под одеждой у мужчины хорошая фигура, и совсем другое – видеть этот возмутительный факт вживую, на расстоянии вытянутой руки.

Широкий разворот плеч, литой, сухой рельеф мышц, как у профессионального бойца или пловца. Взгляд предательски скользит по чётким кубикам пресса вниз, к той самой V-образной линии, которая скрывается за поясом чуть приспущенных джинсов. Влажные после умывания

светлые волосы небрежно растрёпаны, капля воды медленно ползёт по выразительной ключице вниз, к груди.

На левом предплечье темнеет татуировка. Сбоку, прямо под рёбрами, белеет старый, неровный шрам, словно от ножевого ранения. А в сочетании со свежеразбитым носом и темнеющей ссадиной на скуле он сейчас выглядит не как случайный спаситель с лестничной клетки, а как чертовски опасный плохой парень с киноэкрана, по ошибке закинутый в мою уютную девичью обитель.

Артур лениво прислоняется плечом к косяку и переводит взгляд на спартанское сооружение на полу. Одна его бровь медленно ползёт вверх.

– На полу? Серьёзно? – усмехается он, переводя взгляд на пустующий диван. – Я бы предпочёл поспать на чём-нибудь мягком. У меня, между прочим, спина больная.

Я скрещиваю руки на груди, пытаюсь включить режим строгой хозяйки и заодно изо всех сил стараюсь не таращиться на его кубики пресса.

– Уж простите, – фыркаю я. – Радуйтесь тому, что есть. Скажи спасибо, что я вообще тебя в подъезде не оставила.

Артур делает шаг ко мне. Усмешка на его губах становится чуть шире, а во взгляде вспыхивает что-то очень тёмное.

– Какая ты жёстокая, Лиза, – низким, обволакивающим голосом тянет он.

От этой пробирающей до костей интонации у меня внутри всё переворачивается. Я судорожно подхватываю со спинки дивана свою пижаму и начинаю пятиться в коридор.

– Я... мне нужно умыться. Спокойной ночи, Артур! Точнее... готовься ко сну! – нервно поправляю сама себя.

Я выскакиваю в коридор, залетаю в ванную и захлопываю за собой дверь, поворачивая защёлку. Прислоняюсь к косяку спиной, тяжело дыша.

Сердце бешено колотится в горле.

Господи, Лиза, во что ты ввязалась? Тебе же сейчас выходить обратно и спать с ним в одной комнате!

Глава 9

Едва за Лизой захлопывается дверь ванной, я тихо усмехаюсь. Щелчок задвижки звучит на всю квартиру, как выстрел. Забаррикадировалась.

Надо же, какая пугливая, колючая и при этом до одури забавная. Когда она смущается, её хочется дразнить ещё больше. Эти вспыхнувшие щёки, распахнутые глаза и отчаянные попытки сохранить лицо строгой хозяйки... Давно меня так не веселили.

Я перевожу взгляд на расстеленное на полу одеяло. Спартанские условия. Ну, спасибо, что хоть подушку выделила.

Расстегнув ремень, я стягиваю джинсы, оставаясь в одних боксерах, и опускаюсь на пол.

Жёстко, конечно, но бывало и похуже. К тому же, я почти уверен, что эта ночёвка на полу – ненадолго.

Устроившись поудобнее, я закидываю руки за голову и прикрываю глаза в ожидании.

Из-за двери ванной доносится шум воды.

Она прячется там минут пятнадцать, не меньше. Наконец, вода стихает, щёлкает замок.

Полоска света в коридоре гаснет – Лиза предусмотрительно выключила везде свет, прежде чем вернуться в комнату к «опасному» гостю.

Вот только она не учла одного: сегодня полнолуние.

Когда Лиза замирает в дверном проёме, в комнате достаточно светло от льющегося в окно серебристого лунного света. Её силуэт видно кристально чётко.

И... честно говоря, я даже немного разочарован.

Я ждал чего угодно, но передо мной стоит девушка, упакованная в закрытую пижаму в цветочек. Длинные, широкие штанины, длинные рукава, застёгнуто всё чуть ли не под самое горло. Будто не спать собралась, а в экспедицию на Северный полюс. Забрало только опустить осталось для полной защиты.

Серьёзно, кто так спит вообще? Все женщины, которых я знал, предпочитали спать либо в коротких шортиках и лёгкой футболке, либо в сорочке до колен – и это был максимум. Более раскрепощённые спали просто в трусиках, ну а есть и такие, кто любит спать вообще голыми. Вот это я всегда одобрял. Тело должно дышать, а одежда – не сковывать движения. А тут... скафандр из хлопка.

– Ты случайно не в монастыре воспитывалась? – бурчу я, насмешливо разрушая тишину комнаты.

Лиза вздрагивает от неожиданности, видимо, надеялась, что я уже уснул, но тут же подбирается. Даже в полумраке видно, как воинственно вздёргивается её подбородок.

– Если ты всю жизнь общался с женщинами лёгкого поведения, не стоит судить всех остальных женщин по ним, – огрызается она, чеканя каждое слово, и решительно шагает к своему дивану.

Она забирается под одеяло, демонстративно поворачивается ко мне спиной и замирает. Я тоже лежу тихо.

Проходит минут десять. Мне не спится. То ли пол слишком жёсткий, то ли мысли в голове крутятся быстрее, чем нужно. Я прислушиваюсь. По неровному, поверхностному дыханию Лизы и тому, как она периодически возится, пытаюсь найти удобную позу, понятно, что сна у неё тоже ни в одном глазу.

– А вот пустила бы меня к себе, уснула бы быстрее, – подаю я голос в темноту.

Она фыркает, даже не оборачиваясь.

– Вот ещё. Я и так прекрасно засну.

– Да нет, – не соглашаюсь я. – Женщина лучше засыпает, когда чувствует рядом плечо сильного мужчины. Учёными доказано.

Лиза перекачивается на спину и, кажется, закатывает глаза. В темноте этого не видно, но я прямо чувствую.

– Интересно даже, какими это учёными.

– Так, обычными. Практикующими, – усмехаюсь я. – Можем проверить. Я с удовольствием тебе своё плечо подставлю. И массаж даже сделаю. У меня руки волшебные.

– Даже спрашивать не буду, кто тебе такое сказал, – сухо бросает она, снова отворачиваясь к стене. – Лежи уже и спи. Сам не спишь и другим не даёшь.

– А ещё сон с женщиной улучшает настроение, – невозмутимо продолжаю я, закинув обе руки за голову. – Снижает уровень стресса. И иммунитет повышает.

– Это тоже учёные доказали? – саркастично летит с дивана.

– Угу. А у тебя есть уникальная возможность это проверить сегодня. Экспериментальным путём.

Лиза резко садится на диване. Растрёпанные волосы тенью падают на лицо, когда она смотрит вниз, на меня.

– Слушай, заканчивай уже, – твёрдо произносит она. – Мне завтра вставать рано. Спать хочу. А ты мне мешаешь. Просто уясни одну вещь: я с тобой спать не буду. Ни за массаж, ни за другие коврижки.

– Даже ради здоровья? – тяну я с притворной заботой.

– Ой, вот не надо. Я сама терапевт и знаю, как себя вылечить. В эти все твои доказанные теории не верю. Так что всё. Тихо.

Она снова падает на подушку и натягивает одеяло до самых ушей.

Я замолкаю. Хватает меня ровно на пару минут. Лежать на этом чёртовом полу жёстко, рёбра ноют после недавней стычки, а в паре метров от меня на мягком диване сопит горячая, строптивая колючка. И то, что она горячая, я даже не сомневаюсь – под этой бронёй из пижам и сарказма явно прячется вулкан. Сна ни в одном глазу.

От двери доносится шуршание и лёгкий удар, кот спрыгнул, а потом и сам виновник шума появляется. Пират – огромный пушистый сгусток тьмы. Он бесшумно запрыгивает на диван и по-хозяйски пристраивается в ногах у Лизы.

Следом семенит Оборвыш. Этот мелкий нахал сразу целится выше – залетает на диван и с разбегу плюхается Лизе прямо на подушку, к самому лицу.

Она недовольно ворчит сквозь сон, машет рукой и скидывает котёнка на край дивана.

Оборвыш, не смутившись ни на секунду, тут же запрыгивает обратно.

Лиза снова отмахивается, на этот раз настойчивее, спихивая его на пол.

Но настырности этому мелкому не занимать – секунда, и он опять лезет ей на голову.

Я наблюдаю за этой комедией пару минут, потом со вздохом приподнимаюсь на локте. Тянусь к дивану, чтобы перехватить этого пушистого диверсанта и забрать его к себе на пол, раз уж ему так хочется компании.

Моя рука почти касается котёнка, когда Лиза резко распахивает глаза. В лунном свете она видит зависшую над ней мужскую фигуру и протянутую прямо к её лицу руку.

Срабатывают инстинкты самосохранения. Не успеваю я даже моргнуть, как она замахивается.

Звонкая пощёчина рассекает тишину. Удар мажет по моей щеке, вскользь задев скулу, но всё равно обжигает.

Лиза громко охает. И тут же с паникой садится на диване, судорожно подтягивая к себе одеяло.

– Ой... прости! Сильно? – с ужасом в голосе шепчет она, глядя, как я стою перед диваном на коленях.

В одной руке у меня висит возмущённо мяукающий Оборвыш, а вторую я рефлекторно прижимаю к горящей щеке.

Ну просто картина маслом. Добрый вечер, как говорится.

Глава 10

– Сильно, – отвечает он. – Рука у тебя, конечно, пиздец тяжёлая.
Я срываюсь к нему. Сползаю с дивана и опускаюсь на колени рядом с ним.
– Боже, прости, я не хотела, – тараторю я, хватая его за запястье, чтобы отвести руку от лица. – Я испугалась, я не соображала, ты просто навис, а я...
– Лиза, – перебивает он.
– Я хотела котёнка убрать, я не думала, что ты...
– Лиза, – повторяет он терпеливо.
– ...что ты тянешься к Оборвышу, а не ко мне, а я...
Он накрывает мою ладонь своей.
– Лиза. Всё нормально.
– Но я тебя ударила!
– Чуть-чуть, – усмехается он. – По касательной. У меня, вообще-то, кости крепкие, не привыкать.

А мне безумно неудобно, второй раз за вечер я напал на человека. Это кошмар. И синяк под глазом у него из-за меня. И разбитая губа – тоже из-за меня. Я только сейчас замечаю в лунном свете, что уголок его рта припух, а на скуле начинает проступать синева.

– Боже, у тебя же губа... и скула, – я снова пытаюсь отнять его руку, чтобы рассмотреть.
– Артур, убери руку, дай посмотреть.

Он послушно убирает ладонь, и я придвигаюсь ближе. Пальцы сами тянутся к его лицу, осторожно касаются скулы. Кожа горячая, но, кажется, ничего страшного. Ссадина, которая к утру превратится в синяк. Я перевожу взгляд на его губы. Припухшие. И так близко.

– Ничего страшного, – повторяет он тихо, и я чувствую его дыхание на своих губах.

Я резко поднимаю глаза и встречаюсь с его взглядом. В полумраке его глаза кажутся почти чёрными, хотя я помню, что они голубые.

– Притворщик, – шепчу я сердито, пытаюсь спрятать смущение. – Ничего, тебе не больно. Просто хотел, чтобы я пожалела.

– Работает же, – он улыбается уголком рта, и эта улыбка, кривоватая из-за припухлости, делает его ещё более... невыносимо притягательным.

Я хочу ответить что-то колкое, но слова застревают в горле. Потому что я только сейчас осознаю: я стою на коленях перед ним. А мои ладони лежат на его груди. Я чувствую жар его тела сквозь тонкую ткань своей пижамы, чувствую, как пахнет его кожа – мужским запахом и таким пьянящим.

Артур смотрит на меня. Его руки скользят по моей талии, и я чувствую его пальцы.

– Ты дрожишь, – тихо замечает он.

От его голоса, низкого, почти шёпотом, у меня мурашки бегут по позвоночнику.

– Я... – начинаю я, но не могу закончить.

Потому что он наклоняется.

Я не говорю. Не двигаюсь. Не дышу.

Его губы касаются моих.

Осторожно. Будто он пробует, проверяет, не испугаюсь ли я. Губы у него тёплые, чуть шершавые из-за разбитой губы, и пахнут мятной пастой. Мой мозг отключается напрочь, фиксируя только эти дурацкие детали.

Я закрываю глаза.

Поцелуй длится секунду. Может, две. Потом он отстраняется ровно настолько, чтобы посмотреть мне в лицо.

– Лиза? – его голос хриплый, с вопросительной ноткой.

Я не отвечаю. Вместо этого я сама тянусь к нему. Кладу ладони ему на плечи – горячие, гладкие, такие широкие, что мои пальцы едва смыкаются. И целую сама.

Он замирает на долю секунды. А потом его руки на моей талии сжимаются, притягивая ближе. Я оказываюсь прижатой к его груди.

Он целует меня в ответ. Уже не осторожно. Глубже, настойчивее, но всё ещё мягко. Не с напором, а пугающей нежностью, от которой хочется плакать.

Его губы двигаются по моим, изучают, пробуют. Я чувствую его дыхание на своей щеке, чувствую, как его пальцы вжимаются в ткань пижамы на спине, чувствую, как бешено колотится его сердце – или это моё? Я уже не разбираю.

Одна его рука скользит выше, к затылку, пальцы запутываются в моих волосах, чуть оттягивают, запрокидывая мою голову. Поцелуй становится глубже. Я открываю рот, позволяя ему войти.

Я не помню, когда я целовалась последний раз. Вернее, помню, но не помню, чтобы вот так: с чувством, с желанием и нежностью. Мой бывший целовал по-другому, как данность, как что-то обычное.

Я прижимаюсь к нему сильнее, пальцы сами сжимаются на его плечах. Он пахнет так, что хочется вдыхать этот запах снова и снова. Его тело горячее, твёрдое, и когда мои ладони скользят с плеч на грудь, я чувствую, как под кожей напрягаются мышцы.

– Лиза, – выдыхает он в мои губы.

Хорошо, что я уже стою на коленях, иначе рухнула бы сейчас. Вот тебе и закалённый терапевт. Я думала, уже ничто не сможет вызвать во мне подобных чувств.

Он отрывается от моих губ и смотрит пристально. Я должна прекратить это всё, но продолжаю смотреть и не хочу думать, правильно это или нет. Не хочу вспоминать, что знаю его всего несколько часов. Не хочу прислушиваться к голосу разума, который где-то на задворках сознания орёт, что я сошла с ума.

Я просто смотрю на него. На его разбитый нос, на синяк под глазом, на припухшую губу, которую я только что целовала. На этого огромного, опасного, незнакомого мужчину, который смотрит на меня так, будто я – единственное, что имеет значение.

– У тебя щека горит, – шепчу я, касаясь пальцами его скулы. – Надо лёд приложить.

Он усмехается.

– Ты сейчас серьёзно?

– Угу.

Он тянется ко мне снова, поднимает меня. Легко, будто я ничего не вешу. Пересаживает к себе на колени, и я оказываюсь сидящей у него на бёдрах, лицом к лицу. Его ладони лежат на моей талии, пальцы чуть сжимаются, и я чувствую, какое горячее и твёрдое у него тело даже сквозь ткань. Чувствую его мужское достоинство, которое упирается сквозь пижаму мне в низ живота.

Я смотрю на него сверху вниз. В комнате тихо, только ветер за окном и наше дыхание.

– Артур, – шепчу я.

– М?

– Ты правда потерял ключи?

Он замирает на секунду, а потом улыбается.

– И это всё, что ты хочешь у меня спросить сейчас?

– Да. Для меня это очень важно.

Глава 11

Я смотрю снизу вверх в её лицо, обрамлённое растрёпанными волосами, чувствую тяжесть её бёдер на своих ногах, её сводящее с ума тепло и... лихорадочно соображаю.

Сказать ей правду?

Технически я не соврал. Я действительно потерял эти чёртовы ключи. Когда я стоял на лестничной клетке перед своей дверью и шарил по карманам куртки, их там не было. Я уже мысленно матерился, прикидывая, где мог их выронить. Даже вернулся к гаражам. Так что это была чистая правда, пока я не нащупал чёртову связку.

Ткань в кармане просто порвалась, и ключи провалились за подкладку куртки. Я мог подцепить их пальцами, вытащить и пойти домой в свою кровать.

Но я стоял на улице, смотрел на подъездную дверь Лизы и вспоминал её глаза. То, как она пыталась казаться сильной, хотя её трясло. Я понимал, что если уйду к себе, то до утра буду думать не вернулся ли этот хмырь.

И... если честно, я просто не хотел уходить. Я хотел остаться здесь, на её уютной кухне. Хотел дразнить её, сбивать с неё эту защитную спесь и смотреть, как она смущается.

Поэтому я позвонил в её дверь и нагло соврал.

И вот теперь она сидит на мне, прижимаясь к моей уже пульсирующей эрекции, смотрит мне прямо в глаза и ждёт честного ответа.

Если я сейчас открою рот и выдам ей всю эту историю с подкладкой... Что будет? Эта потрясающая, колючая, гордая девочка, которая только что так сладко и горячо отвечала на мой поцелуй, мгновенно закроется. Её броня захлопнется с оглушительным лязгом. Она слезет с меня, брезгливо одёрнет свою праведную пижаму, укажет пальцем на дверь и пошлёт меня на хрен.

И будет абсолютно права.

Наверно...

Но я больше никогда не почувствую её губы.

Выбор очевиден. Лучше я буду лжецом сегодня, чем конченным идиотом, который своими руками разрушит то, что между нами только что появилось.

Я делаю медленный вдох, стараюсь ничем не выдать напряжения, и смотрю прямо в её глаза – в лунном свете они кажутся тёмными, огромными и пугающе пронизательными.

Руки на её талии я сжимаю чуть крепче, притягивая Лизу ближе к себе. Так близко, что чувствую, как колотится её сердце сквозь этот дурацкий цветочный скафандр.

– Лиза, – мой голос звучит глуше обычного, немного с хрипотцой, потому что сдерживать себя, когда она так на мне сидит, становится почти невыносимо. – Я бы не стал вламываться к тебе посреди ночи и напрашиваться переночевать, если бы мог спокойно уйти к себе.

Я делаю паузу. Это не ложь – я не стал бы. Просто опускаю деталь о том, что ключи нашлись пятью минутами позже.

– Я правда их потерял. Наверное, выронил, когда ты мне снежком по лицу заехала.

Лиза долго смотрит на меня. В её взгляде мелькает что-то похожее на неуверенность – словно она всё ещё пытается найти подвох, разгадать меня. Я замираю, боясь шелохнуться. Одна её рука всё ещё лежит на моём плече, пальцы рассеянно поглаживают голую кожу. От этого лёгкого прикосновения по телу прокатывается очередная волна жара.

Она вдруг шумно выдыхает, словно сбрасывая напряжение, и её плечи расслабляются.

– Понятно, – шепчет она.

Она чуть сдвигается на моих бёдрах – всего на миллиметр, но трение обжигает меня насквозь. Я стискиваю зубы, инстинктивно подаваясь навстречу её движению.

– Лиза, – хрипло предупреждаю я, глядя большими пальцами её бока сквозь плотную ткань пижамы. – Если ты сейчас не перестанешь так ёрзать...

– То, что? – её голос вдруг становится тише, звучит с неожиданной, почти робкой провокацией. Огромные глаза смотрят с вызовом. Терапевт решила поиграть с огнём.

– То я решу, что мой массаж – не самое эффективное средство от бессонницы, которое я могу тебе предложить, – выдавливаю я, не сводя взгляда с её припухших губ. – И начну лечить тебя своими проверенными методами. Учёными, кстати, тоже доказано.

Она сглатывает. Я вижу, как мелко дрожит её ключица в вырезе пижамы.

– Я... мне нужно принести лёд для твоей щеки, – вдруг выдаёт она, и этот резкий скачок обратно к профессиональным обязанностям врача заставляет меня глухо рассмеяться.

– К чёрту лёд, Лиза. К чёрту щеку. У меня сейчас болит совсем в другом месте, – говорю я, прямо, глядя ей в глаза, и притягиваю её к себе, чтобы она в полной мере ощутила, насколько я не шучу.

Она судорожно вдыхает, широко распахивая глаза, и на этот раз не пытается отстраниться.

В лунном свете видно, как румянец густо заливает её шею и щёки. Она судорожно сглатывает, её взгляд мечется по моему лицу, словно ища подтверждение, что это не дурная шутка.

– У меня... нет от этого таблеток, – выдавливает она дрожащим шёпотом, отчаянно цепляясь за остатки своей брони. Но её пальцы на моих плечах предательски сжимаются, притягивая меня на миллиметр ближе.

– Какое совпадение, – хриплю я, медленно скользя ладонями по её спине, очерчивая изгиб позвоночника сквозь плотный хлопок. – Я терпеть не могу таблетки. Предпочитаю исключительно мануальную терапию.

Я не даю ей шанса придумать очередную колкость. Моя рука перебирается на её затылок, пальцы зарываются в шелковистые, пахнущие сладким шампунем волосы. Чуть надавливаю, заставляя её запрокинуть голову, и прижимаюсь губами к бешено бьющейся жилке на её шее.

Лиза издаёт тихий, прерывистый вздох, переходящий в полустон, и её тело инстинктивно подаётся вперёд, вжимаясь в меня с такой откровенностью, что у меня перед глазами на секунду темнеет.

Дьявол, эта женщина точно сведёт меня с ума.

Мои пальцы находят глухой воротник её застёгнутого на все пуговицы пижамного скафандра.

– Тебе не жарко в этой броне? – шепчу я прямо в её разогретую кожу, спускаясь поцелуями ниже, к ключице.

– Раньше было... нормально, – сбивчиво, почти не дыша, отзывается она.

– А сейчас?

Я нащупываю маленькую пуговицу на её воротах и лёгким движением расстёгиваю её. Лиза вздрагивает, но не убирает мои руки. За первой пуговицей следует вторая. Ткань послушно расходится, обнажая ложбинку между грудей и бледную, чувствительную кожу, которая в серебристом свете кажется мраморной.

Я обхватываю её за талию, без усилий приподнимаю и одним плавным движением заваливаю нас обоих на моё спартанское ложе из одеял на полу. Лиза оказывается подо мной. Её руки раскинуты, светлые волосы разметались по моей сиротливой подушке, а грудь тяжело и часто вздымается.

Она смотрит на меня снизу вверх. Испуганная, растрёпанная, невероятно красивая. В её огромных глазах – смесь паники и такого же дикого, обжигающего желания, которое сейчас скручивает мои собственные внутренности.

Я нависаю над ней, упираясь ладонями в пол по обе стороны от её головы, чтобы не раздавить своим весом.

– Лиза, – произношу я предельно серьёзно, изо всех сил стараясь выровнять сбившееся дыхание. – Если ты сейчас решишь включить своего строгого терапевта и скажешь, что нам нужно остановиться... делай это прямо сейчас. У тебя есть ровно один шанс. Потому что, если я расстегну ещё хоть одну пуговицу на этой проклятой пижаме, у меня уже не хватит никаких тормозов.

Тишина в комнате кажется оглушительной. Я слышу только, как за окном глухо завывает мартовский ветер, да как бешено стучит кровь у меня в висках.

Она не сводит с меня взгляда. Кусает и без того припухшую после моих поцелуев нижнюю губу. Её руки медленно отрываются от одеяла, скользят по моей голой груди вверх, обжигая короткими ногтями, и крепко обвиваются вокруг моей шеи.

Глава 12

(Лиза)

Я не говорю ни слова. Просто крепче обнимаю его за шею и притягиваю к себе. Это мой единственный ответ, и Артур понимает его абсолютно правильно.

Он издаёт низкий, рваный выдох, больше похожий на рычание, и его губы снова накрывают мои. На этот раз в поцелуе нет ни капли той осторожности, что была вначале. Только голод, напор и обжигающая жадность. Его пальцы ловко и нетерпеливо расправляются с оставшимися пуговицами на моей дурацкой пижаме. Ткань расходится в стороны, и прохладный ночной воздух касается разгорячённой кожи всего на секунду, прежде чем его сменяет жар его рук.

Артур скользит ладонями по моим рёбрам вверх. Его большие ладони накрывают мою грудь, большие пальцы дразняще проводят по чувствительным соскам, и я невольно выгибаюсь навстречу, выдыхая его имя.

Внизу живота тугим узлом скручивается тяжёлое, пульсирующее желание. Мои руки блуждают по его литой спине, царапают плечи. Я окончательно теряю связь с реальностью, растворяясь в его запахе, в силе его тела, прижимающего меня к полу.

Его губы спускаются ниже, обжигая поцелуями шею, ключицы, ложбинку между грудей. Одна его рука уверенно скользит по моему животу вниз, пальцы цепляют резинку моих пижамных штанов и тянут их вниз вместе с бельём. Я подаюсь навстречу, приподнимаю бёдра, готовая к тому, что будет дальше...

Резкий, пронзительный звонок в дверь разрывает тишину квартиры, как визгливая сирена.

Мы оба вздрагиваем и замираем. Я широко распахиваю глаза, выныривая из дурмана, сердце с разгону врезается в рёбра.

Артур замирает надо мной, тяжело дыша. Его глаза в полумраке кажутся совершенно чёрными, челюсти сжаты так, что желваки ходят ходуном.

– Они там вообще оборзели? – хрипло и зло бурчит он. – Три ночи на часах.

Звонок повторяется. Длинный, наглый, требовательный.

Всё желание слетает с меня в одну секунду. Я резко сажусь, судорожно натягивая обратно штаны и запахивая расстёгнутую рубашку. Смотрю на Артура расширенными от ужаса глазами.

Я знаю этот настойчивый стиль.

Артур сдавленно матерится сквозь зубы, рывком поднимается на ноги и разворачивается в сторону коридора. Злой как чёрт.

– Артур, стой! – окликаю его я шёпотом.

Он оборачивается.

– Надень штаны, – я сглатываю, невольно опуская взгляд.

Тонкая ткань его боксеров натянута до предела, обрисовывая напряжённый, внушительный член.

Артур опускает взгляд на себя, снова чертыхается, но послушно возвращается к брошенным у дивана штанам. Пока он впрыгивает в них, звонок в дверь начинает заливаться непрерывной трелью, кто-то просто вдавил кнопку и не отпускает.

У меня трясутся руки. Я кое-как справляюсь с непослушными пуговицами пижамы, застёгивая их вкривь и вкось. Мне страшно. Одно дело спровадить бывшего в десять вечера, и совсем другое, когда он ломится в дверь в три часа ночи.

Артур, не тратя времени на футболку и даже не застегнув молнию и ремень, тяжёлым шагом направляется в прихожую. Его кулаки сжаты, а от фигуры исходит такая убийственная аура, что мне становится страшно уже за тех, кто стоит по ту сторону.

Щёлкает замок. Артур рывком распахивает дверь.

Я выглядываю из-за угла коридора и холодею. На пороге стоит мой бывший, но на этот раз он не один. Рядом с ним переминается с ноги на ногу здоровенный, мрачный мужик в кожаной куртке.

Подмогу привёл, ублюдок. Решил, что раз с ним дружок, то теперь он смелый.

Но Артур даже не даёт им рта раскрыть. Он шагает за порог прямо босиком, оттесняя их своей широкой грудью на лестничную клетку.

– Я, кажется, тебе русским языком сказал, чтобы ты здесь больше не появлялся, – голос Артура звучит обманчиво тихо.

Это последнее, что я слышу.

Рука Артура ложится на дверную ручку снаружи, и он с силой захлопывает за собой дверь, отрезая меня от них.

Щелчок замка эхом бьёт по ушам, а в следующую секунду из подъезда доносится грохот, чей-то сдавленный вскрик и глухие звуки начавшейся драки.

Я вздрагиваю всем телом. Звуки ударов глухим эхом отдаются на лестничной клетке. Чей-то сдавленный стон, тяжёлый звук падающего тела, звон чего-то металлического по кафельному полу.

Паника накрывает с головой. Их же там двое! А Артур босиком, полуголый...

– Артур! – в панике кричу я, бросаясь к двери.

Пальцы трясутся так сильно, что я не с первого раза справляюсь с защёлкой замка. Сердце колотится в горле, мешая дышать. Наконец, механизм поддается. Я дёргаю ручку на себя и распахиваю дверь.

Картина, представшая моим глазам, заставляет меня застыть на месте.

Лысый здоровяк в кожаной куртке скрючился на ступенях лестничного пролёта, обеими руками держась за живот, и тихо мычит, сплёвывая кровь. А мой бывший...

Артур впечатал его в стену так, что с потолка, кажется, посыпалась побелка. Мощное предплечье Артура намертво прижато к горлу ублюдка, перекрывая ему кислород. Бывший барахтается, судорожно скребя ногтями по руке Артура, его лицо пошло уродливыми красными пятнами, а глаза выкатились из орбит от ужаса.

– Запомни уёбок, если ты ещё раз... – голос Артура звучит зловеще. – Если ты хотя бы помотришь в сторону её дома, я тебя закопаю. Ты меня понял?

Бывший не может ответить, он только жалко хрипит и судорожно кивает, пуская слюни.

Артур с явным отвращением разжимает хватку, и тот мешком оседает на пол, жадно, со свистом хватая ртом воздух.

– Поднял своего дружка и съебались отсюда, – бросает Артур, стряхивая что-то с костяшек. – У вас десять секунд, пока я не передумал и не спустил вас с лестницы по частям.

Здоровяк, пошатываясь и держась за перила, поднимается на ноги. Бывший, не смея даже поднять глаз на Артура, подхватывается следом. Они, спотыкаясь и толкаясь, бросаются вниз по ступенькам, забыв про лифт. Хлопает дверь подъезда вниз.

Артур тяжело дышит. Его широкая грудь часто вздымается и опускается. Он стоит спиной ко мне, глядя вниз, в пролёт, пока не убеждается, что они точно ушли.

Затем он медленно поворачивается. В тусклом свете подъездной лампы я вижу сбитые в кровь костяшки на его правой руке и быстро наливающуюся ссадину на скуле. Но его глаза... Взгляд всё ещё по-звериному дикий.

Глава 13

Я делаю шаг назад, пропуская его в квартиру. Как только Артур переступает порог, я дрожащими руками вцепляюсь в замки, судорожно поворачивая защёлки и задвигая щеколду. Словно эта металлическая дверь способна отрезать нас от всего того кошмара, что остался на лестнице.

Поворачиваюсь к нему. Артур глубоко дышит, на скуле уже наливается багровый след, а с костяшек правой руки капает кровь.

Внутри всё сжимается от липкого, холодного страха. Господи, я ведь врач. Меня видом крови не напугать. Но сейчас, глядя на его сбитые кулаки, я чувствую, как сердце заходится в совершенно паническом ритме, ударяясь о рёбра так болезненно, что перехватывает дыхание. Потому что это не пациент в приёмном покое. Это Артур. И он пошёл туда, полуголый и босой, из-за меня.

– Ты... Господи, ты ранен, – мой голос дрожит, я начинаю суетиться, бросаясь к нему и осторожно перехватывая его за запястье. – Идём скорее, надо промыть. Идём же!

Он ничего не говорит, только послушно позволяет утащить себя в ванную.

Я включаю воду, подставляя его израненную руку под прохладную струю. Сама лихорадочно роюсь свободной рукой в навесном шкафчике, доставая перекись и ватные диски. Пальцы не слушаются.

– И где ты вообще нашла этот непонятливый экземпляр? – вдруг нарушает тишину Артур.

Я скидываю голову и на секунду встречаюсь с ним взглядом. Хороший вопрос. Я сама задавала его себе сотни раз. Как я вообще могла сойтись с этим человеком? Как могла так ошибиться?

– Просто мужчина, если захочет, может очень хорошо притворяться замечательным, – тихо отвечаю я, щедро смачивая диск перекисью. – Ровно до свадьбы. А потом... потом он проявляет свою истинную сущность.

Я прижимаю вату к его костяшкам. Артур даже не морщится от боли, только внимательно, не отрываясь, смотрит на моё лицо.

– Он бил тебя? – его голос мгновенно тяжелеет, в нём снова проскальзывают те опасные, металлические нотки.

Я опускаю взгляд. Не могу смотреть ему в глаза. Продолжаю аккуратно обрабатывать ссадины, дую на них, чтобы хоть немного унять жжение от перекиси. Пожимаю плечами.

– Не бил... Не в том смысле, как это обычно понимают, – я сглатываю тугой ком в горле. Говорить об этом тяжело, но наверное, адреналин и присутствие Артура рядом срывают какие-то внутренние замки. – Он просто находил слабые места. И давил туда со всей силы.

Я зажмуриваюсь на секунду, прогоняя болезненные картинки из прошлого.

Моим самым слабым местом было то, что я не могла забеременеть. Два выкидыша. И каждый раз, когда мне больше всего нужна была поддержка, он устраивал мне настоящий ад. Говорил, что я бракованная баба или не баба, а «мужик». Изводил постоянной критикой, а под конец и вовсе вбил себе в голову, что я специально избавляюсь от детей. Обвинял, что я тайком пью какие-то препараты, чтобы спровоцировать выкидыши, потому что якобы не люблю его и не хочу детей. А детей я хотела.

– Он просто морально меня уничтожал, – мой голос срывается на шёпот, и я озвучиваю лишь малую часть того кошмара. – Изводил так, что в итоге я от него сбежала. Ночью. В чём была, без вещей, только бы оказаться как можно дальше от него. Развод дался с боем. Он

вцепился как клещ, не отпускал, не давал шага ступить, постоянно караулил. И вот, прошёл уже год... а он продолжает приходить и ломиться в мои двери.

Я замолкаю, бережно промокая раны на руках Артура сухим диском. Пальцы всё ещё немного трясутся. Я пока не готова вывалить на него всю эту грязь. Слишком больно, слишком личное.

В ванной повисает гнетущая тишина, слышен только шум воды в раковине. Я чувствую, как напрягается рука Артура под моими пальцами.

Подняв голову, я вижу, как ходят желваки на его лице. Взгляд снова тяжёлый, как грозовая туча.

– Знал бы об этом, – глухо бросает он, глядя на меня, – так просто бы его не отпустил.

Он не даёт мне времени на попытки скрыть свою уязвимость или перевести тему. Его руки ложатся мне на талию, и Артур безапелляционным жестом привлекает меня к себе.

Я, привыкшая всегда быть сильной, вечно суетиться, всех спасать и обо всех заботиться, вдруг абсолютно безвольно подаюсь вперёд.

Артур просто не оставляет мне выбора, не даёт быть привычно железной и всесильной. Он словно всем своим видом, каждой мышцей горячего, напряжённого тела показывает: здесь он главный, он сильнее, и я могу наконец-то выдохнуть.

Я послушно утыкаюсь лицом в его обнажённую грудь, прижимаясь щекой к тёплой коже. Под ухом мерно и тяжело стучит его сердце. От этого звука, от запаха его тела, от крепких рук, сомкнувшихся у меня на спине, к горлу снова подступает колющий комок. Мне до одури хочется расплакаться прямо сейчас. Выплеснуть всё накопившееся напряжение, довериться ему полностью, потому что в этих объятиях он кажется несокрушимым и надёжным.

Мы стоим так несколько мгновений, пока я вдруг не чувствую, как что-то мягкое и гладкое настойчиво трётся о мои лодыжки. Я шмыгаю носом, неохотно приоткрываю глаза и опускаю взгляд вниз. Вся моя усатая команда в сборе. Уселись у наших ног в ванной и таращатся своими глазищами.

Артур тоже опускает голову. Его грудь вибрирует от тихой, хрипловатой усмешки, которая мигом разряжает тяжёлую атмосферу.

– Твоя банда пришла тебя успокаивать, – усмехается он, разглядывая пушистую троицу. – Чувствуют во мне конкурента.

Я невольно улыбаюсь сквозь невыплаканные слёзы. Мягко выскальзываю из его объятий, приседаю на корточки на холодный кафель и начинаю по очереди гладить каждого из хвостатых спасателей.

– Я бы не сказала, что они тебе прям конкуренты, – тихо говорю я, почёсывая Пирата за ухом, отчего тот сразу заводит громкий моторчик. – Скорее, это мои товарищи по несчастью. Каждый из них тоже был предан и выкинут на улицу как мусор. Вот Пирата я спасла, когда он вылез из дачного общественного туалета... с верёвкой на шее и весь в говне. Живучий оказался, бывший хозяин его явно недооценил.

Я перевожу руку на второго кота, который подставляет голову под мои пальцы.

– А Кэпа вообще хотели усыпить. У него была страшная непроходимость кишечника, хозяева не захотели возиться. Я его месяц каждый день на капельницы возила, выхаживала по часам. Ну, а про Оборвыша ты и так всё знаешь, – я ласково провожу по спинке третьего. – Выкинули на улицу в самый мороз. Я просто не дала ему замёрзнуть.

Закончив с котами, я поднимаюсь на ноги. Тревога всё ещё даёт о себе знать, и я снова опускаю взгляд на разбитые костяшки Артура.

– Как ты? – спрашиваю я, глядя в его потемневшие глаза.

Артур пожимает широкими плечами.

– Я не кот, меня обидеть сложно, – спокойно отвечает он. – И я давно привык за себя стоять.

– Да, – тихо выдыхаю я. – Я знаю.

Он смотрит на меня, заправляет выбившуюся прядь волос мне за ухо. Его пальцы слегка шершавые, но их прикосновение обжигает неожиданной нежностью, от которой по коже снова бегут мурашки.

– Иди сюда, – хрипло произносит он и снова притягивает меня к себе.

Коты, поняв, что их миротворческая миссия выполнена и больше никто плакать не собирается, синхронно теряют к нам интерес. Пират первым деловито разворачивается и трусит в сторону кухни – видимо, проверять миски, остальные двое тянутся за ним. Мы снова остаёмся одни в тесном пространстве ванной.

– Три часа ночи, – тихо напоминает Артур, скользя ладонью вдоль моего позвоночника. – Сейчас адреналин окончательно отпустит, и тебя начнёт колотить от отката. Пойдём.

Он переплетает свои пальцы с моими и выводит меня из ярко освещённой ванной комнаты обратно в спальню. В полумраке комната кажется каким-то отдельным, безопасным миром, куда нет входа ни бывшему, ни прошлому.

Артур подводит меня к дивану. Я послушно сажусь на край, чувствуя, как ноги действительно начинают предательски дрожать – сказывается пережитый стресс. Он опускается рядом со мной, ложится, привлекая меня к своей груди.

– Никто тебя больше не тронет, Лиза, – его голос звучит тихо, но в нём столько железобетонной уверенности, что я верю каждому слову. – Я не позволю. Слышишь?

Я молча киваю. Вся моя пресловутая броня сильной женщины сейчас кажется такой ненужной шелухой. Так и засыпаю в обруче его сильных рук под мерный стук его сердца под своей щекой.

Глава 14

Перерыв между приёмами кажется настоящим спасением. Я тяжело выдыхаю, отодвигаю в сторону стопку медицинских карт и устало опускаю голову на сложенные на столе руки. В висках тихо пульсирует, глаза нещадно слипаются, а тело кажется налитым свинцом.

– Елизавета Николаевна, что-то вы сегодня совсем не в форме, – раздаётся сочувствующий голос Натальи Даниловны, медсестры, с которой мы делим кабинет. Ей сорок пять, она женщина опытная, проницательная и обычно сразу замечает малейшие изменения в моём состоянии. – Заболели?

Я заставляю себя приподнять голову и вяло качаю головой.

– Нет, Наталья Даниловна. Просто... не выпалась.

Это ещё очень мягко сказано. Я вообще с трудом понимаю, как сегодня держусь на ногах и соображаю, что назначать пациентам.

Перед глазами тут же всплывает сегодняшнее сумасшедшее утро. Как я проснулась, уютно устроившись в кольце сильных мужских рук, почувствовала жар чужого тела... а потом лениво скосила глаза на электронные часы и с ужасом поняла, что безнадёжно проспала.

Подскочила как ужаленная. Носилась по квартире на цыпочках, в дикой спешке собираясь на работу, глотая на ходу зубную пасту и стараясь не шуметь. Я хотела разбудить Артура, честно хотела. Чтобы отправить его домой до того, как уйду сама. Но когда я, уже полностью одетая и с сумкой на плече, подошла к дивану... так и замерла.

Простояла над ним с минуту, не решаясь нарушить его сон. Он спал так крепко, так безмятежно и сладко, по-мальчишески обняв мою подушку своими мощными руками, что у меня просто не поднялась рука его тормошить. После всего, что было ночью, после пережитого стресса и драки на бетонном полу, мне захотелось дать ему отдохнуть.

В итоге я тихонько выскользнула за дверь и... закрыла его в своей квартире.

А теперь сидела и тихо паниковала. Нормальная ли это вообще идея – запереть мужчину у себя дома? Сердце тревожно екало от собственной безрассудности, но я тут же одёргивала себя, убеждая, что Артур порядочный. Он не должен ничего натворить. Не обнесёт же он мою квартиру, в самом деле, и котов не обидит. Но всё равно ситуация была до жути неловкой.

Спать хотелось невыносимо, но за дверью ждали люди, и нужно было как-то брать себя в руки.

– Может, вам кофейку сделать? – Наталья Даниловна заботливо зашуршала баночками в своём углу. – А то вы прямо на ходу спите.

– Да, пожалуйста. Буду очень благодарна, – слабо киваю я.

Медсестра быстро колдует над чайником, и через пару минут передо мной на столе появляется дымящаяся кружка с крепким кофе. Я обхватываю её озябшими пальцами, вдыхая горьковатый бодрящий аромат и надеясь, что он хоть немного прояснит туман в голове. Делаю первый, обжигающий глоток.

В этот момент раздаётся короткий, уверенный стук в дверь.

– Войдите! – громко отзываюсь я

Дверь открывается, и в кабинет заходит следующий пациент – пожилой мужчина с палочкой.

Я выдыхаю, пряча непонятную смесь разочарования и облегчения, и с головой погружаюсь в работу.

Так проходит весь день. Я с огромным трудом досиживаю до конца приёма, который сегодня, к счастью, заканчивается в четыре часа. Глаза слипаются, кофе давно перестал помогать, но усталость физическая меркнет на фоне нарастающей тревоги.

Домой я иду с гулко колотящимся сердцем. Шаг за шагом накручиваю себя всё сильнее. Почему-то мне кажется – нет, я почти уверена! – что Артура в квартире уже нет. Он сбежал. Ну а как иначе? Так бы сделал любой нормальный, здравомыслящий мужик. Зачем ему проблемная, нервная женщина с таким тяжёлым прошлым и поехавшим бывшим мужем, который ломится в двери по ночам? Зачем ему чужие драки и чужие травмы? Ведь так?

Я замираю перед дверью в подъезд, делая глубокий вдох, чтобы успокоиться. Поднимаюсь на свой этаж. Ключ в замочную скважину попадает не с первого раза – руки предательски дрожат.

С замиранием сердца открываю дверь, готовясь увидеть пустую прихожую и записку на столе в лучшем случае. Тишина.

Я тихо разуваясь, прохожу по коридору и заглядываю в комнату. И застываю на месте.

Диван аккуратно собран, постельное бельё убрано. А в самом центре, вальяжно откинувшись на спинку, сидит Артур. Он полностью одет, но поверх его футболки зачем-то повязан мой кухонный цветастый передник, который смотрится на его широченной фигуре до комического нелепо.

Но главное даже не это. Он сидит в плотном кольце моей усатой охраны. Оборвыш, свернувшись уютным клубком, нагло спит прямо у него на широком плече, тихо посапывая. Пират и Кэп пристроились под боком, прижавшись к его бёдрам, словно верные сторожевые псы.

Сам Артур, умиротворённо поглаживая Пирата свободной рукой, невозмутимо смотрит телевизор.

Я так и застываю на пороге комнаты, боясь даже моргнуть, чтобы эта сюрреалистичная картина не растворилась в воздухе. Мой грозный защитник, который ещё ночью голыми руками впечатывал в стену моего бывшего, сейчас сидит в кухонном переднике в цветочек и служит лежанкой для моей пушистой банды.

Услышав мои шаги, Артур поворачивает голову. В его тёмных глазах мелькает тёплая, спокойная искра.

– Привет, – его низкий голос заставляет Оборвыша недовольно дёрнуть ухом во сне, но кот даже не думает просыпаться. – Как прошёл рабочий день?

– Привет... – я, наконец, отмираю, прислоняясь плечом к дверному косяку. Голос звучит хрипло из-за внезапно подкатившего к горлу кома. – Нормально. А ты... ты не ушёл.

Артур чуть выгибает бровь, глядя на меня с лёгким недоумением.

– А должен был? Я, вообще-то, ужин приготовил. Хотел встретить тебя горячим, как полагается, но эти трое, – он кивает на Пирата и Кэпа, – взяли меня в заложники сразу после того, как я выключил плиту. У тебя не коты, а какой-то гипнотический спецназ.

Я перевожу взгляд с его серьёзного лица на дурацкий цветастый передник, потом на наглую спящую морду Оборвыша у него на плече, и чувствую, как губы сами собой растягиваются в улыбке.

– И чем же ты их так подкупил? – спрашиваю я, подходя ближе и ласково проводя рукой по полосатой шёрстке котёнка.

Артур ловит мою ладонь своей рукой, подносит к губам и коротко целует костяшки моих пальцев.

– Секрет фирмы, – отзывается он. – Иди мой руки. Буду кормить тебя мясом по-французски. Если, конечно, смогу встать без ущерба для этой мафии.

Глава 15

Кое-как освободив Артура из кошачьего плена, мы идём на кухню. И там я окончательно выпадаю из реальности.

Артур не просто приготовил ужин. Он двигается у плиты, доставая противень из духовки, с такой уверенностью и грацией, словно шеф-повар в дорогом ресторане. Запечённое мясо по-французски пахнет так одуряюще вкусно, что у меня мгновенно сводит живот от голода.

– Откуда такие кулинарные таланты? – в шоке спрашиваю я, присаживаясь за стол и наблюдая, как он ловко орудует лопаткой.

– Хобби, – просто отвечает Артур. – Да и пришлось научиться в своё время. Родители много работали, часто оставляли меня за старшего с младшей сестрой. Хочешь не хочешь, а готовить начнёшь, чтобы ребёнка не одним хлебом кормить.

– У тебя есть младшая сестра? – я искренне удивляюсь, хлопая ресницами.

Артур кивает. Он раскладывает сочное, покрытое румяной сырной корочкой мясо по тарелкам и ставит одну передо мной.

– Алёна. Она уже взрослая, замужем за моим близким другом. Ешь давай, пока горячее.

Я послушно беру вилку. Пока мы едим – а мясо оказывается просто божественным на вкус, тающим во рту, – Артур рассказывает про сестру. В его голосе звучит такая тёплая, искренняя привязанность, что я невольно заслушиваюсь.

– Алёнка у меня боевая, – с гордой усмешкой вспоминает он. – Росла пацанкой, вечно хвостом за мной таскалась. Я за ней следил, отгонял от неё всяких придурков. А потом не успел оглянуться – выросла, расцвела. И умыкнул её мой же лучший друг, Егор. Я сначала, конечно, для вида порывал на него чисто из старшебратской солидарности, а потом понял, что в более надёжные руки она и попасть не могла. Пылинки с неё сдувает.

От сестры он плавно переходит на своих друзей – того самого Егора и Руслана.

– Мы с ними считай всю жизнь бок о бок. Через многое прошли, друг за друга горой, – Артур откидывается на спинку стула, задумчиво крутя в руках кружку с чаем. – Руслан тоже женат. Жена у него, Аня, мировая девчонка, они друг друга стоят. Мы часто собираемся все вместе, выбираемся за город или просто заваливаемся к кому-нибудь в гости.

Я слушаю его спокойный, глубокий голос и вдруг ловлю себя на мысли, что немного завидую. Светлой, щемящей завистью. У него такая полная, живая жизнь, огромный круг близких людей, настоящая большая семья, друзья, которые стоят друг за друга горой. А я со своим браком растеряла почти все связи, замкнулась в себе, в работе и в своих котах.

– Хочешь, познакомлю? – неожиданно спрашивает Артур, прерывая рассказ.

Я от неожиданности резко вскидываю голову.

– Что?

– Я не шучу, – Артур смотрит на меня абсолютно серьёзно, хотя в уголках глаз прячется улыбка. – Мне кажется, вы друг другу понравитесь. Девчонки у нас отличные. Ты только скажи, когда у тебя выходной. И ходим к ним, они здесь совсем недалеко живут.

Я растерянно пожимаю плечами. Мне до сих пор кажется, что всё происходящее – это какой-то сюр, красивый, но невозможный сон. Ведь мы с Артуром знакомы всего сутки! Всего двадцать четыре часа назад он ввалился в мою жизнь. А сейчас он уже разогнал мои страхи, остался ночевать у меня, подружился с моими котами, стоит на моей кухне в дурацком переднике, кормит меня ужином и зовёт знакомиться с семьёй и друзьями. А ведь если бы не вчерашнее явление моего бывшего мужа, мы ещё вчера занялись сексом. Вчера это казалось логичным, а сегодня кажется, что я слишком тороплюсь.

Трусиха, одним словом.

Артур выжидающе молчит, не сводя с меня внимательного взгляда. Я неловко веду плечом, чувствуя, как щёки всё ещё горят.

– У меня стандартные выходные – суббота и воскресенье, – наконец тихо отвечаю я.

Но внутри всё равно скребётся червячок сомнения. Я вообще по натуре человек довольно замкнутый, особенно после всего, что произошло в браке. Мне совершенно несвойственно так быстро сближаться с кем-то, впускать в свою жизнь новых людей, а уж тем более с разбегу врываться в чужую компанию. Всё это кажется слишком стремительным, пугающим.

Чтобы перевести дыхание и уйти от этой слишком личной темы про гостей, сестру и знакомства, я решаю сменить русло разговора.

– Слушай, а я думала, тебе сегодня на работу надо было, – говорю я, цепляясь за логичный вопрос.

Артур кивает, невозмутимо откидываясь на спинку стула.

– Да, надо было. Но я с утра позвонил начальству и попросил выходной на пару дней. Имею право, тем более я действительно пострадал при исполнении... ну, почти, – он с лукавой усмешкой указывает пальцем на свой травмированный нос, живо напоминая о том, при каких обстоятельствах он вообще оказался на моём пороге.

А затем его губы растягиваются в откровенно весёлой улыбке.

– Да и дверь ломать как-то не хотелось, – добавляет он, глядя мне прямо в глаза. – Ты же меня заперла. Я проснулся, почесал в затылке, оценил толщину металла и решил, что дешевле будет дождаться хозяйку с ключами.

Я чувствую, как краска стыда снова заливает лицо, и прячу взгляд, нервно теребя в руках вилку.

– Извини... – бормочу я. – Я правда собиралась тебя разбудить. Но ты так спал... вцепившись в мою подушку. У меня просто рука не поднялась тебя расталкивать после такой ночи. А потом я посмотрела на часы, поняла, что дико опаздываю, и мозг вообще отключился. Заперла на автомате.

Артур бархатисто смеётся. Этот звук заполняет кухню, заставляя мурашки бежать по моей спине.

– Не извиняйся, Лиза. Я давно так крепко и спокойно не спал, – он тянется через стол и накрывает мою дрожащую руку своей большой ладонью. Его пальцы мягко поглаживают мою кожу. – Но от темы ты уходишь мастерски.

Я вскидываю глаза, встречаясь с его пронизательным взглядом.

– Я же вижу, как ты напряглась, когда я заговорил про выходные и друзей, – его голос становится серьёзным. – Я понимаю, что для тебя это всё... слишком стремительно. Ты привыкла никого не впускать...

– Мы знакомы сутки, Артур, – выдыхаю я, озвучивая свой главный страх. – Люди не сближаются так быстро. Это ненормально. Я даже не знаю... как правильно реагировать на всё это.

Он медленно поднимается со своего места. Обходит стол и останавливается рядом с моим стулом. Я инстинктивно разворачиваюсь к нему, запрокидывая голову.

– А давай мы не будем думать о том, как «нормально» и как «правильно»? – он опирается одной рукой о спинку моего стула, а другой – о край стола, заключая меня в своеобразное кольцо, отрезая пути к отступлению. От него пахнет чем-то неуловимо мужским, вкусным. – Давай ориентироваться только на то, что мы чувствуем.

Его рука поднимается, шершавые пальцы бережно заправляют мне за ухо выбившуюся прядь волос, а большой палец задерживается на линии моей скулы.

– Тебе ведь со мной хорошо? – его голос понижается до хриплого шёпота. – Безопасно?

Я смотрю в его голубо-серые глаза и понимаю, что врать нет ни смысла, ни сил.

– Да, – выдыхаю я, и это короткое слово звучит как капитуляция.

– Вот и всё, что имеет значение, – шепчет он, склоняясь ко мне. – Остальное приложится.

Глава 16

Его губы накрывают мои – уверенно, горячо, с той самой мужской властью, от которой мгновенно подкашиваются ноги. Во мне вспыхивает ответный порыв, но пресловутый внутренний тормоз, возвращенный годами неудачного брака, срабатывает быстрее инстинктов.

Вчерашняя раскрепощенность осталась во вчерашнем дне. Будто с восходом солнца и во мне ожили все правила и запреты.

Испугавшись этой стремительности и собственной готовности сдаться, я упираюсь ладонями в его грудь и сама прерываю поцелуй, отстраняясь.

Артур тяжело выдыхает, но послушно отпускает меня, не пытаясь давить.

Боже, откуда у него столько терпения возиться со мной?

Чтобы хоть как-то сгладить неловкость и заполнить повисшую паузу, я отступаю на шаг и спрашиваю, стараясь, чтобы это прозвучало как бы между прочим:

– А ты... и сегодня хочешь остаться?

Артур ничуть не смущается и, как всегда, отвечает с обезоруживающей ироничной прямоотой:

– Ну да. Я ведь физически не мог выйти из квартиры, чтобы сделать себе дубликат ключей. А ты против?

Я молча качаю головой.

– Ну, раз ты не против, я займусь водными процедурами, – удовлетворенно констатирует он, отходит от стола и направляется напрямик в ванную.

Вскоре оттуда доносится шум льющейся воды. Я остаюсь на кухне одна и принимаюсь за мытье посуды.

Теплая вода успокаивающе струится по пальцам, а я думаю о том, что ужин получился просто невероятно вкусным.

Артур поражает меня на каждом шагу. Его непосредственность, уверенность в себе и то, как легко он вписывается в мое пространство, одновременно пугают и притягивают с непреодолимой силой.

– Лиза! – перекрывая шум воды, вдруг зовет он.

Я вытираю руки полотенцем и иду к ванной. Осторожно приоткрываю дверь, намереваясь смотреть исключительно на плитку или в потолок, но взгляд срывается и всё равно невольно скользит прямо к ванне.

Вода совершенно прозрачная, без грамма пены. И сквозь эту толщу воды я отлично вижу его. Всего.

Мои щеки мгновенно вспыхивают румянцем, жар приливает к лицу так стремительно, что, кажется, сейчас пойдет пар.

Артур, ничуть не смущаясь своей наготы, поворачивается ко мне и протягивает влажную мочалку.

– Потрешь спину? – невинно интересуется он, хотя в глазах пляшут откровенные бесенята.

Я замираю в нерешительности. До этого я видела его раздетым только ночью, в полумраке, а вот так, при ярком свете, пусть и сквозь прозрачную воду...

Я нерешительно делаю шаг вперед. Пытаюсь не глазеть, честно пытаюсь смотреть только на плитку, но взгляд, словно намагниченный, всё равно возвращается к нему. Артур потряса-

юще красив. И это просто невозможно не признать. Широкие плечи, мощная грудная клетка, рельефные мышцы, на которых блестят капли воды...

Стараясь дышать ровно, я подхожу ближе, забираю из его рук мочалку и принимаюсь тереть его широкую спину. Мышцы под моими руками перекачиваются, от его влажной кожи исходит жар и сила, которая так завораживает. Я стараюсь не задерживаться дольше необходимого, быстро справляясь со своей задачей.

Наконец, закончив, я облегченно выдыхаю и протягиваю ему мочалку обратно. Но вместо того, чтобы просто забрать её, Артур внезапно перехватывает моё запястье. Его пальцы смыкаются на моей руке крепко и уверенно. Он резко тянет меня на себя.

В какую-то долю секунды, по хитрому блеску в его глазах, я понимаю, что именно он задумал, но мой мозг до последнего отказывается верить в такую невероятную наглость.

Короткий вскрик – и я, потеряв равновесие, с громким плеском лечу прямо к нему!

Вода с шумом разлетается во все стороны, мгновенно пропитывая мою кофту и домашние штаны. Я судорожно вдыхаю, откидываю с лица налипшие мокрые волосы и смотрю на него круглыми от шока глазами.

– Артур! Ты совсем с ума сошел?! – возмущенно кричу я, пытаюсь обрести хоть какую-то опору и неловко барахтаясь в воде прямо в одежде.

А он – само спокойствие. Невозмутимо смотрит на меня, придвинувшись вплотную, и на его губах играет совершенно хулиганская, довольная улыбка.

– Да ладно тебе, не ругайся, – мурлычет он своим низким, вибрирующим голосом, аккуратно убирая мокрую прядь с моей щеки. – Одежду всегда постирать можно, стиралка у тебя вроде работает. А мне одному в ванной стало очень скучно.

Я открываю рот, чтобы выдать ему всё, что думаю о его извращенных методах борьбы со скукой, но слова так и застревают в горле. Артур уверенно скользит ладонями по моей мокрой спине, притягивает меня к своей обнаженной груди и целует в губы.

И всё моё возмущение мгновенно испаряется. Я отвечаю на этот жаркий, жадный поцелуй, зарываясь пальцами в его влажные волосы и прижимаясь всем телом, потому что злиться на Артура, когда он так целует, абсолютно невозможно.

Глава 17

Его губы накрывают мои с так жадной и одновременно нежно, что у меня мгновенно всё откликается внутри. Я зарываюсь пальцами в его влажные волосы, отвечая на поцелуй, и чувствую, как остатки моего благоразумия окончательно растворяются в этой тёплой воде. Мокрая одежда тяжёлым панцирем липнет к телу, противно холодит кожу, но жар, исходящий от Артура, проникает даже сквозь ткань.

Его сильные руки скользят по моей спине. Он гладит меня, трогает, заставляя дрожать всем телом от предвкушения.

– Снимай это, – хрипло выдыхает он мне прямо в губы.

И, не дожидаясь, сам начинает меня раздевать. Его пальцы нащупывают край прилипшей кофты и уверенно тянут вверх. Я послушно поднимаю руки, помогая ему, и мокрая ткань с тихим шлепком летит куда-то на пол. За ней, почти без заминки, отправляются напивавшиеся водой штаны и бельё. Вода приятно обволакивает обнажённую кожу, смывая последние физические барьеры между нами.

Я оказываюсь абсолютно голой и, поддавшись его мягкому, но настойчивому движению, усаживаюсь прямо на него, обхватывая бёдрами. От того, как плотно мы соприкасаемся, как

чувствуется каждая я мышца его тела под моими руками, у меня внизу живота всё сводит тугим, сладким узлом. Вода скрадывает вес, я словно парю в его объятиях, бедра скользят по его гладкой коже, я закрываю глаза, наслаждаясь этим сладким прикосновением. Чувствую себя невероятно желанной.

Мы жадно целуемся, сплетаясь языками, теряясь в ощущениях. Артур спускается поцелуями ниже, его горячие губы скользят по моей шее, он слегка прикусывает влажную кожу на ключице, заставляя меня тихо стонать и выгнуться навстречу.

Сквозь пелену одурманивающего возбуждения, я на секунду приоткрываю глаза. Краем глаза замечаю какое-то движение сбоку и невольно, чисто рефлекторно, поворачиваю голову.

На стиральной машинке, выстроившись в ряд, сидят все три моих кота. И очень внимательно, с нескрываемым интересом наблюдают за нами.

Я резко напрягаюсь и деревенею. Артур, чьи губы всё ещё покрывают поцелуями мою ключицу, а руки сжимает мою грудь, мгновенно чувствует перемену. Останавливается, тяжело дыша, и заглядывает мне в глаза.

– Что случилось? – хрипло спрашивает он.

– Они смотрят, – шепчу я, всё ещё косясь на стиралку.

Артур с полным непониманием моргает.

– Кто?

– Коты, – выдыхаю я, кивая в сторону нашего пушистого зрительного зала.

Он поворачивает голову и смотрит на мою банду. Коты даже не думают отворачиваться, тарашась на нас со смесью откровенного любопытства и лёгкого осуждения.

– Ну и пусть смотрят, – отмахивается Артур, пытаюсь снова притянуть меня к себе и покрывая поцелуями меня. – Им полезно для расширения кругозора.

– Нет, Артур, я так не могу! – я упираюсь ладонями в его твёрдую грудь. – Под таким пристальным наблюдением...

Он обречённо выдыхает, запрокидывая голову к потолку.

– Хорошо...

Чувствую в конце должен быть мат, но он его не произносит. Артур со вздохом поднимается из воды. Картина, конечно, предстаёт впечатляющая: вода блестящими ручьями стекает по его широким плечам, груди и бёдрам, а напряжённый, стоящий член красноречиво выдаёт всю степень его желания.

Он перешагивает край ванной, тянется к стиральной машинке, чтобы выставить зрителей за дверь. Руки у него мокрые. Кэпа и Оборвыша он сгребает в охапку довольно быстро и выставляет за порог ванной. А вот с Пиратом этот фокус не проходит. Мой боевой кот без боя сдаваться не собирается. Когда Артур тянется за ним, Пират возмущённо шипит, прижимает уши и начинает яростно отбиваться когтистой лапой.

Мокрые руки Артура скользят по шерсти, и в пылу этого нелепого сражения происходит непоправимое. Пират делает резкий выпад и острым когтем цепляет самое выдающееся место моего несостоявшегося любовника. Прямо по напряжённому члену.

– Ай, бляха! – вскрикивает Артур.

Он мгновенно отшатывается от машинки, сгибается пополам и судорожно зажимает руками своё пострадавшее достоинство.

По всем законам жанра я должна была бы ахнуть, испугаться за здоровье мужчины и броситься ему на помощь. Но контраст между этим большим, сильным, властным мужчиной и моим пушистым защитником чести настолько комичен, что меня просто накрывает. Я изо всех сил зажимаю рот ладонями, пытаюсь сдержаться, но плечи предательски трясутся, и наружу вырывается громкое, совершенно некрасивое фырканье.

Артур, всё ещё держась за своё уязвлённое эго, поднимает на меня хмурый взгляд исподлобья.

– Жестокая ты женщина, Лиза, – цедит он.

– Прости... – я убираю руки от лица, с трудом выдавливая слова сквозь нахлынувший смех, – но это... это правда очень смешно!

Словно подтверждая свою безоговорочную победу, Пират грациозно спрыгивает на край ванны, подходит ко мне и громко муркает. Трётся мордой о моё мокрое плечо, и весь его вид так и говорит: «Смотри, хозяйка, я тебя спас от этого голого маньяка!».

Кое-как успокоившись и смахнув выступившие от смеха слезинки, я смотрю на Артура.

– Больно? – спрашиваю я уже чуть серьёзнее.

– Нет, блин, шекотно, – с лёгкой обидой в голосе отзывается он.

Я со вздохом поднимаюсь из воды. Стою перед ним абсолютно голая, внутренне немного смущаясь.

– Подай полотенце, пожалуйста, – прошу я. – Пойдём лечить тебя.

Артур хмыкает, снимает с крючка пушистое полотенце и протягивает его мне. Но взгляд его при этом даже не думает подниматься к моему лицу. Он откровенно и жадно залипает ниже, неотрывно глядя именно в точку схождения моих ног.

– Ещё скажи, пластырь наклеим, – ворчит он, тяжело сглатывая.

Я невозмутимо забираю полотенце, оборачиваю его вокруг себя и пожимаю плечами:

– Ну, если надо будет – и наклеим. И зелёной намажем. Ты же не хочешь, чтобы он у тебя разбух от воспаления.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.